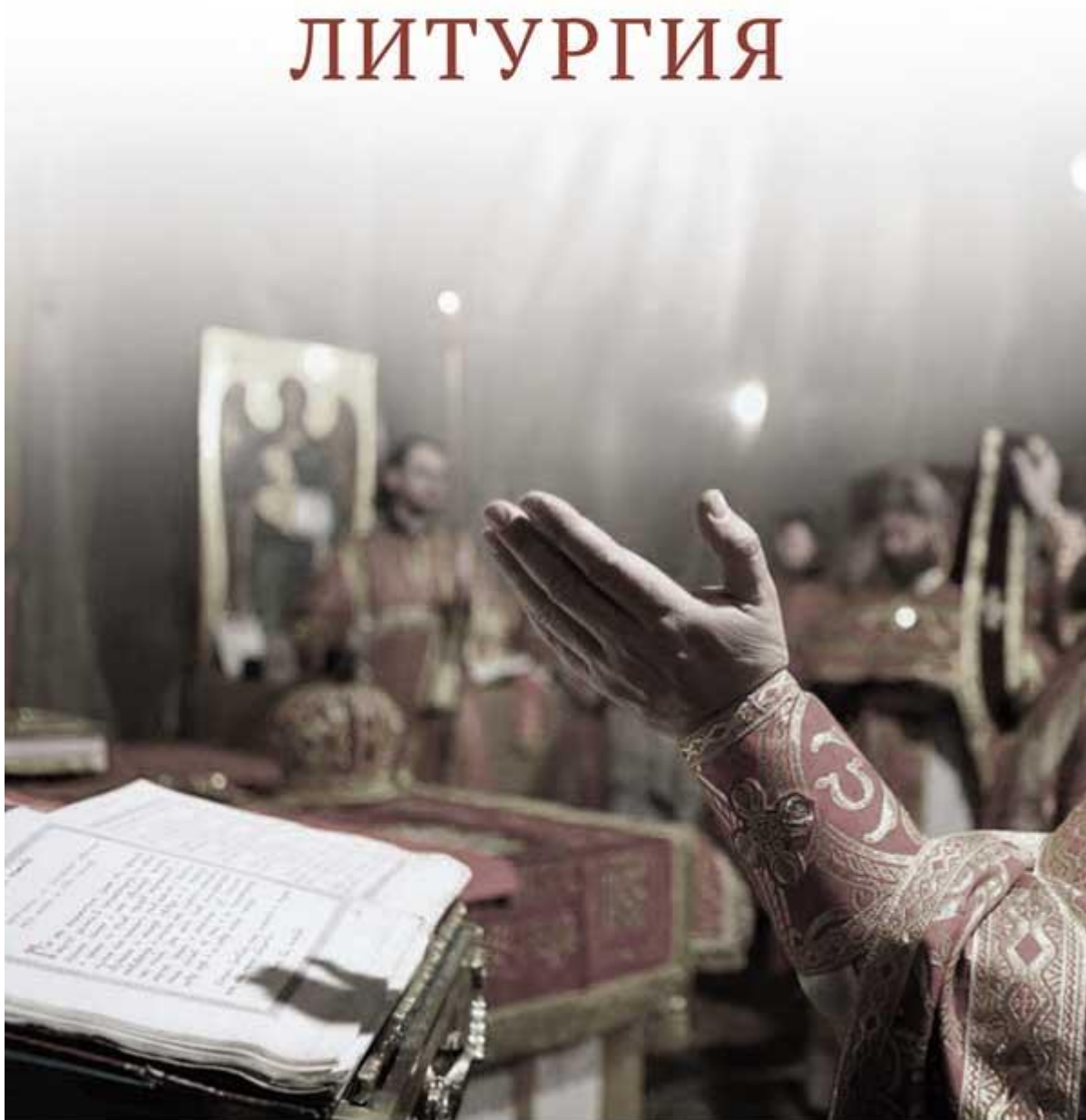

Протоиерей Алексей Уминский
**Божественная Литургия: Объяснение смысла, значения,
содержания**

Протоиерей Алексей Уминский

БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ

ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА, ЗНАЧЕНИЯ, СОДЕРЖАНИЯ

Протоиерей Алексей Уминский

БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ

ОБЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА, ЗНАЧЕНИЯ, СОДЕРЖАНИЯ

Москва · «Никея» · 2012

значения, содержания. – М.: Никея, 2012. – 160 с.

ISBN 978-5-91761-134-1

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви

Литургия является основой и центром всего, что совершается в Церкви. Вся православная богослужебная традиция готовит лишь к одному – к Евхаристии. Но все ли происходящее на Литургии мы можем понять и пережить духовно? В этой книге известный священник, протоиерей Алексей Уминский рассказывает о смысле, значении Таинства Евхаристии и шаг за шагом разъясняет все действия, совершающиеся на службе Божественной Литургии.

УДК 264-4

ББК 86.372

© Протоиерей Алексей Уминский, 2012

ISBN 978-5-91761-134-1 © Издательство «Никея», 2012

Литургия как центр жизни христианина

Все церковные праздники лишились бы смысла, если бы не существовало Пасхи. Потому что, если бы Христос не воскрес, то все остальные евангельские события могли бы рассматриваться лишь в историческом контексте, и другой ценности, кроме нравственной и культурной, не представляли бы. Мы говорим, что каждый христианский праздник принадлежит вечности, поскольку его духовно наполняет Пасха. Вечность присутствует в нашем времени, и мы становимся реальными соучастниками этого праздника.

То же самое можно сказать и о Литургии, возвышающейся над всеми иными богослужениями. Если бы не существовало Литургии, бессмысленно было бы вообще совершать какие-либо службы, потому что без Литургии отсутствует и Церковь как таковая.

Поэтому рассказ о Евхаристии (от греческого слова «*ευχαριστία*» – благодарение) пойдет параллельно с рассказом о Церкви, о том, что она собой представляет и как Церковь и Евхаристия связаны друг с другом.

* * *

Когда мы приступаем к святому крещению, во взрослом ли возрасте или в младенчестве, священник спрашивает у нас или у наших восприемников: «А веруешь ли ты Богу? Сочетался ли со Христом?» И мы отвечаем, что со Христом сочетались и веруем Ему, как Царю и Богу. Так мы присягаем служить Господу.

Сразу после нашего ответа читается Символ веры, перечисляется то, во что именно мы веруем. В частности, в Символе веры есть и такие слова: «*Верую во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь*». Это необходимо осмыслить: наряду с верой в Бога мы исповедуем и свою веру в Церковь. Ни в одной другой религиозной системе, кроме христианства, нет такого понятия – «вера в Церковь». По катехизису святителя Филарета Дроздова (1782/1783 – 1867), Церковь – это общество людей, объединенных единой верой и едиными обрядами. Впрочем, то же самое можно сказать о любом религиозном объединении, например, о мусульманском или иудаистском. К такому обществу можно принадлежать и заниматься исполнением обрядов, исходя из постулатов веры, но веровать в само это общество невозможно. Ни одно из них не является тем, чем становится Церковь для христиан.

Так что же это такое – веровать в Церковь? Мы же не исповедуем обязанность посещать храм по воскресеньям и праздникам, не обещаем Богу держать пост, исповедоваться и причащаться. Церковь для христиан – это не только место, где они общаются с Богом, потому что с Ним можно общаться и дома, и в метро, и в лесу – в любом месте и в любое время. Веровать в Церковь – означает исповедовать, что она – есть Тело Христово, часть которой – мы с вами.

Апостол Павел так пишет об этом: «*Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все*

члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело» (1 Кор. 12: 12–13) и добавляет: *«И вы – тело Христово, а порознь – члены»* (1 Кор. 12: 27).

Отсеченная часть тела самостоятельно жить не может. Когда говорят о живом организме, имеют в виду единое и неделимое тело, в котором соединяется человеческое и Божественное. Церковь – это таинственное собрание людей, где происходит единение Бога с человеком, где рождается единый богочеловеческий организм.

Мы приходим в Церковь для того, чтобы стать ее частью, стать ее существом, ее естеством. Церковь делает нас соприродными Христу, потому что мы являемся ее телом, а Он – ее Главой. При этом, как сказал новопрославленный сербский святой, величайший богослов Иустин Попович (1894–1978), сама Церковь – это Богочеловек Иисус Христос. Это мы со Христом.

В этом случае становится понятно, что просто присутствие человека в Церкви, просто исполнение каких-то внешних правил, просто знание определенных догматов явно недостаточно. Речь идет о жизненном пути, который православные называют верой.

Христос учит: *«Я есмь путь и истина и жизнь»* (Ин. 14: 6). То же самое можно сказать и о Церкви: Церковь – есть путь, Церковь – есть истина, Церковь – есть жизнь человека в вере, и в этом – смысл христианства.

Наконец, мы исповедуем не просто существование Бога; мы веруем не только в то, что Господь – Личность, сотворившая мир, в то, что существуют определенные отношения между Ним и человеком, в то, что есть некие правила, которые следует исполнять, ожидая посмертных воздаяний. Все это характерно для любых религиозных воззрений, включая самые примитивные, и не является истинным смыслом христианской веры. Наше упование заключается в том, что человек спасается в вечной жизни, соединившись с Богом. Жизнь вечная и есть пребывание в Боге, соединение с Ним и обожение человека, когда он сам становится богом. Вот в чем состоит истинный смысл христианской веры, если не прибегать к сложным богословским определениям.

Церковь делает нас соприродными Богу. Об этом апостол Петр писал: *«Как от Божественной силы Его даровано нам все потребное для жизни и благочестия, через познание Призвавшего нас славою и благостию, которыми дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы через них соделались участниками Божеского естества»* (2 Пет. 1: 3–4). Эти слова нередко остаются незамеченными нами, но они составляют суть всех апостольских посланий: нам надлежит стать участниками Божественной Природы. О том же, хотя и несколько иначе, говорил и преподобный Серафим Саровский: *«Нам надо стяжать Дух Святой»*.

Смысл христианской жизни состоит в том, чтобы наполниться Духом Святым, сделаться единопородным с Господом, соединиться с Ним. Если это происходит, наше пребывание на земле становится осмысленным, а жизнь – по-настоящему духовной.

Значение Церкви в том и состоит, что по-иному человек не способен достичь Бога. Потому-то Христос и основал на земле Свою Церковь, через которую человек получает благодать, богопознание и богоприобщенность. Впрочем, необходимо оговориться, что для человека полное богопознание всегда будет оставаться невозможным, потому что Господь – абсолютен, бесконечен и вечен, а человек по своей природе тварен. Наше приобщение к Богу не касается Его Божественной сущности, к которой человек приобщиться не сможет никогда. Речь идет о приобщении к Божественным энергиям, к Божественной природе. Бог стал человеком во всей Своей полноте, а человек становится Сыном Божиим по благодати. Именно благодать делает его богочеловеком.

Только в Церкви человек становится богочеловеком, потому что Господь дарует нам возможность приобщаться Своей Плоти и Своей Крови. Это дается нам великим таинством Церкви, нашей жизнью в ней, потому что Сам Христос сказал: *«Кто жаждет, иди ко Мне и пей»* (Ин. 7: 37).

Евхаристия в раннехристианской Церкви

Цель наших бесед состоит в том, чтобы выяснить, насколько духовная жизнь христианина связана с Евхаристией. Возможно ли жить духовной жизнью вне Евхаристии, или причащаясь время от времени? Чтобы ответить на эти вопросы, нам необходимо понять, чем была Евхаристия для раннехристианской Церкви, в каком состоянии пребывает наше богослужение сейчас и, наконец, разобраться, насколько каждый из нас понимает, что означает лично для него участие в Божественной Литургии.

Впервые Евхаристия была совершена на Тайной Вечере Спасителем перед Своими крестными муками. *«Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов»* (Мф. 26: 26–28). Господь заповедовал апостолам, а, вместе с ними и всем нам: *«Сие творите в Мое воспоминание»* (Лк. 22: 19). Средоточием каждой Литургии и является воспоминание о той самой Тайной Вечере, которую мы проживаем, мистическим образом входя в вечность и являясь реальными участниками этого события.

В книге Деяний святых апостолов мы встречаем описание Евхаристии. Богослужения первых времен христианства, на которых совершалось причащение, назывались по-разному, но наиболее часто встречались названия «Преломление хлеба» и «Евхаристия». И сейчас для обозначения Литургии нередко используется слово «Евхаристия», тем более что сердцевиной Литургии является именно Евхаристический канон.

Апостолы собирались по домам вместе со своими учениками для того, чтобы преломлять хлеб. Первые христиане были традиционными иудеями и регулярно посещали Иерусалимский Храм вплоть до его разрушения в 70 году римским императором Титом. Практиковавшееся тогда богослужение все еще оставалось для христианских общин связующим началом.

Впрочем, несмотря на то, что богослужения в Иерусалимском Храме продолжались, Апостольская Церковь уже отделила себя от него, и собрания христиан постепенно переносились в общины, возглавлявшиеся апостолами.

Что представляли собой такие собрания? Письменного Евангелия в то время еще не существовало, но его устная форма уже сделалась составной частью Священного Предания. Апостолы рассказывали о Христе, *«о том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши»* (1 Ин. 1: 1). Этим бесценным опытом богообщения они щедро делились с новообращенными. Во время таких собраний апостолы повествовали об Иисусе, о Его Рождестве, Крещении и проповедях, о совершенных Им чудесах и о наследии, которое Он оставил.

Мы знаем, что после проповеди апостола Петра крестились сначала 3 000, а потом и 5 000 взрослых мужчин – весьма внушительные цифры по тогдашним временам, население целого города. Когда апостолы повествовали о Христе, это была Благая Весть, это было то, что потом записали четверо евангелистов, то, что впоследствии Церковь канонизировала как Священное Писание.

Для того чтобы обосновать свои утверждения, апостолы читали ветхозаветные пророчества, удостоверявшие, что Иисус – есть истинный Сын Божий, а каждому совершенному им действию соответствует предсказание в Ветхом Завете.

После этого читались послания самих апостолов уже основанным к тому времени общинам (мы говорим сейчас не о первых годах, но о первых десятилетиях христианства, когда апостолы, проповедуя миру Евангелие, прошли по всей земле, когда во многих крупных городах того времени они основали общины, составившие автокефальные, то есть административно самостоятельные Церкви). Церкви передавали апостольские послания из общины в общину как драгоценные свидетельства Истины.

Только после того, как вся община напитывалась словом Божиим, должно было явиться

иное Слово – Слово воплощенное. До сих пор мы называем первую часть Литургии, Литургию оглашенных, Литургией Слова. Но слово – это не только средство выражения человеческой мысли. В Священном Писании Словом назван Сам Бог!

Апостол брал принесенные хлеб и вино и в воспоминание о Тайной Вечере совершал Евхаристию, благодарение. Он читал благодарственные молитвы за всю милость, которую Господь ниспослал миру, и прежде всего за те благодеяния, которые совершились на глазах самих апостолов: как Бог воплотился и ходил по земле; как Он взял на Себя грехи всего мира, пошел на крест и искупил Своим страданием все человечество; как Он воскрес, вознесся на небеса и ниспослал Духа Святого на Своих учеников.

Евхаристическая молитва включает и благодарение за творение мира, за спасительный Промысл о нем и за дарование Второго Страшного Пришествия и вечного Царства. То есть апостольское благодарение всегда соотносилось с вечностью, включая в себя как воспоминание о том, что уже произошло, так и свидетельство о том, что есть, и пророчество о том, чему надлежит свершиться.

Апостол просил Духа Святого прийти в общину святых, освятить принесенные Дары – хлеб и вино и претворить их в истинные Тело и Кровь Христовы. И в наши дни Церковь приносит благодарение за Дары Духа Святого.

После этого разламывался хлеб и раздавался всем присутствующим. Люди подходили к Чаше и причащались тому же слову, но уже не произнесенному, а воплощенному, и все становились этим Словом. Именно поэтому в Деяниях святых апостолов сказано: *«И слово Божие росло»* (Деян. 6: 7).

Возвращаясь домой с евхаристического собрания, каждый христианин был словом Божиим, обращенным к миру. Именно поэтому Церковь стала называться *Апостольской*.

Церковное собрание

Читая писания апостольских мужей, например, священномученика Иринея Лионского или священномученика Игнатия Богоносца, мы обращаем внимание на то, что авторы неоднократно подчеркивают: «Где епископ – там Апостольская Церковь». Церковная община, возглавлявшаяся епископом, представляла собой поместную Церковь; такие Церкви существовали практически в каждом полисе. При этом в те времена христиан было немного. По существовавшим тогда правилам епископа можно было поставлять в общину, состоявшую хотя бы из двенадцати человек.

С самого начала распространения христианства установлено, что единственным настоящим совершителем Литургии может быть только епископ, потому что именно он возглавляет Церковь. В первые три века так дело и обстояло. Литургия в древней Церкви была соборной: в городе обычно совершалась только одна Литургия, потому что там был лишь один епископ. Как написано в Деяниях святых апостолов: *«Все же верующие были вместе»* (Деян. 2: 44).

Литургия всегда совершалась на рассвете в воскресенье, в память о Воскресении Христовом. Воскресенье не было тогда выходным днем, языческий мир жил совсем по другому календарю. Конечно, совершенно немыслимо представить себе, чтобы кто-то пришел на Литургию и не причастился: они ведь ради этого и собирались, а богослужение лишь предвляло причащение верующих Святыми Христовыми Таин и было введением, духовной подготовкой человека к совершению таинства.

Не все христиане могли всякий раз прийти на воскресную службу, поэтому нередко они уносили с собой Причастие в виде запасных Даров. Причащать верующих могли не только священники, но и дьяконы, и дьяконисы. (Существовало такое особое служение в раннехристианской Церкви, которое нельзя рассматривать как некий священный сан. Были при храмах честные вдовицы, которые по благословению епископа могли ходить со Святыми Дарами в тюрьмы и больницы и передавать их страждущим для причащения. Они же

крестили женщин, а сами имели право причащаться в алтаре). Кроме того, по существовавшей тогда традиции христианин после каждой Литургии уносил домой Святые Дары и начинал каждый новый день с причащения Святых Христовых Таин.

Впоследствии, когда христианство стало распространяться по империи и благодаря святому равноапостольному императору Константину Великому (272–337) стало религией государственной, появился священник как сослужитель епископу, но он мог лишь замещать епископа, когда тот уезжал по епархиальным делам или томился в заточении или ссылке. Епископ мог поручить священнику служить Литургию вместо себя, но это было исключением, а не правилом.

Только после того, как стали открываться приходские храмы, священникам были переданы некоторые епископские функции: определенную самостоятельность в управлении своими маленькими общинами и, самое главное, они получили разрешение на совершение сначала Литургии, а потом и таинства миропомазания.

Епископы в знак своего благословения посылали священникам подписанные ими антимины, представляющие собой освященные матерчатые платы с вшитыми в них частицами святых мощей в память о том, что первые Литургии совершались на гробах мучеников. На современных антиминох обычно изображается положение во гроб. По внешнему виду, форме и надписям, они соответствуют Плащанице, которая выносится в Великую Субботу для поклонения.

И сейчас без антиминоса, подписанного епископом, священник служить Литургию не может ни при каких обстоятельствах, поскольку он служит исключительно по благословию епископа, а сам по себе такой власти не имеет. Священник – помощник епископа, сослужитель его. А сослужители священника – все остальные прихожане.

* * *

Литургия начинается с того, что все собираются вместе. Само слово «Церковь» по-гречески звучит как «эκκλησία», что, в свою очередь, означает «собрание».

Апостол Павел объясняет, что значит собираться на Литургию. В то время храмовых зданий не было; христиане собрались на Евхаристию по домам, в катакомбах, в других потаенных местах. Поэтому, слова апостола: *«когда вы собираетесь в церковь»* (1 Кор. 11: 18) вовсе не означают: *«когда вы готовитесь пойти в храм»*. Когда мы собираемся в церковь, мы собираемся *вместе* и *Церковью*, той самой Церковью, в которую веруем.

Наше евхаристическое собрание – это собрание во Христе, необходимое для того, чтобы каждый из нас соединился с Богом и через Бога по-настоящему глубоко и в вечности соединился друг с другом. Такое собрание людей в Таинстве, собственно говоря, и делает людей Церковью.

Когда-то священник появлялся в храме уже при полном собрании общины. Сейчас, к сожалению, он частенько приходит в пустой храм, читает входные молитвы и облачается в тишине, и лишь чтец на клиросе ждет от него благословения, чтобы начать читать часы. На самом деле батюшка должен приходить уже в Церковь, то есть в общество людей, которых он будет возглавлять, в общество, которое называется народом Божиим. Об этом народе апостол Петр писал: *«И сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом. Ибо сказано в Писании: „вот, Я полагаю в Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в Него не постыдится“»* (1 Пет. 2: 5–6).

Обратите внимание на то, как Библии употребляется слово «камень». Дьявол предлагает Христу превратить камни в хлеба: *«И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами»* (Мф. 4: 3). Иоанн Креститель обличает фарисеев и саддукеев: *«Не думайте говорить в себе: „отец у нас Авраам“, ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму»* (Мф. 3: 9). Христос обращается к апостолу: *«Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах»*

(Мф. 16: 18–19). Во время богослужения часто звучат слова: *«Камень, который отвергли строители, соделался главою угла»* (Пс. 117: 22).

Казалось бы, что может быть мертвее камня? Даже древесина более жива – это дерево когда-то росло, цвело, распускало листья. А тут такой парадокс – живой камень... Камень – твердый, крепкий, ему присуще бессмертие. Он веками не изменяется, на него можно опереться, на нем можно строить. Но все-таки камни – это что-то бесчувственное, чему жизни от века не дано. Такими бываем и мы. Существует духовное понятие – окаменение сердечное.

И вдруг камень живой, одушевленный, бессмертный... Это – Христос, на котором все держится, поэтому Он и зовется Вседержителем. Это – именно тот камень, который отвергли строители, но который сделался главою угла.

Дьявол предлагает Богу, превратить камни в хлеба, а искушитель всегда предлагает такой соблазн, который по сути является подменой и обманом, но при этом очень похож на правду. Ведь Господь на самом деле делает хлеба из камней, безжизненное превращает в живое, из камней творит детей Авраама. Апостол Петр обращается к нам: *«И сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом»* (1 Пет. 2: 5).

Это мы – камни, из которых Он может создать детей Авраама, и когда мы причащаемся Телу и Крови Христовых, мы оживаем, мы становимся сопричастными Хлебу Жизни, соединяемся с Ним и становимся Живыми Камнями и сами устроаем из себя дом духовный – то есть Церковь Божию. О Петре сказано – *«На сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее»*. Каждый из нас, христиан, должен помнить: и мы – камни, и мы – Петры, мы являемся храмом Божиим, Церковью Бога Живого. Но такое возможно лишь в том случае, если мы – камни живые, а не мертвые. А жизнь мы получаем от Спасителя.

Господь делает нас живыми камнями, и мы, подобно зодчим, занимаемся божественным домостроительством. Если мы строим духовный дом Божий из себя самих, это значит, что каждый из нас кладет свою духовную жизнь в основание Церкви. Церковь строится на желании людей быть Телом Христовым, сделаться этими живыми камнями.

* * *

Обратите внимание и на такие слова: *«Устрояйте из себя дом духовный, священство святое»*. Оказывается надо не только храм в себе нести, но и самому быть священником. Сам будь и вместилищем Бога – местом богопробывания, и служи Ему, как священник в этом храме. А священник – это тот, кто совершает богослужение.

Как священник служит Богу? Он совершает таинства, принося жертву Господу. Первая жертва – дух сокрушенный. Вторая – жертва хваления: *«Всякое дыхание да славит Господа»*.

Священник – это человек, посвященный Богу, устрояющий из себя дом Божий. Всего себя, все свои помыслы, все чувства, все действия он посвящает Богу. Тогда это священство святое.

В другом месте апостол говорит: *«Но вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел. <...> Некогда не народ, а ныне народ Божий»* (1 Пет. 2: 9–10).

Вслушайтесь в эти удивительные слова! О чем они говорят нам? О том, что все, собравшиеся в Церкви, – особенный народ, народ Божий, который в себе несет признаки царства и признаки священства, потому, что Сам Господь, делающий нас Своим Телом, – и Царь земной, и Царь небесный и Первосвященник.

Народ Божий – это не просто верующие люди, это – именно Церковь, которая объединяет нас всех, делая из нас новый народ. Один из богословов сказал, что Церковь – нация святая, нация, избранная Богом. Раньше был богоизбранный народ, который Господь выделил, чтобы сделать его Своим, чтобы назвать этот народ сыном: *«Из Египта воззвал Я сына Моего»* (Мф. 2: 15).

Первоначально эти слова пророчествовали обо всех евреях, выведенных Моисеем из

Египта. Однако богоизбранный народ отвергает камень, на котором стоит, и Бог избирает новый народ, в котором видит не просто людей со схожей внешностью и говорящих на одном языке, и называет их «царственным священством». Этот народ сообщается со Спасителем, который принес Себя в жертву Своему Отцу за весь мир. Вот в чем состоит Его первосвященство.

Каждому из нас даруется то, чем владеет Он Сам. Во-первых, Его имя, ведь мы – христиане. Во-вторых, знаки, которые Он, как Царь и Священник, подает нам всем – Свое Царство и Свое Священство. В любом из нас Господь видит священника и царя, потому что мы, как народ, заново рождаемся в таинстве святого крещения и миропомазания, получая печать Святого Духа.

Есть мир, отдаленный от Церкви и не освященный, а есть мир церковный. Так вот, в мире церковном все мы – священники. Первая священная степень, в которую посвящается человек во время крещения и миропомазания, – это мирянин; в нее посвящен каждый православный христианин.

* * *

Но нередко случается и так, что люди, приходящие в Церковь и приносящие с собой свои скорби и немощи, сами при этом Церковью не становятся. Принесли, заплатили и ушли, а Церковь, дескать, о нас помолится... При этом под «Церковью» они подразумевают прежде всего батюшку, который сам по себе, без народа Божиего, не обладает той силы молитвы, которой обладает истинная, Соборная Церковь.

Когда мы с вами собираемся в храме Божиим, чтобы стать Церковью, то собираемся для того чтобы служить Господу, чтобы в этом храме быть священниками вместе со священнослужителем, которого сама Церковь в лице архиерея поставила возглавлять собравшихся. Богослужение – наша общая молитва.

«Литургия» («λεϊτουργία») в переводе с греческого означает «общее дело». В древности литургией называли построение храма или корабля. Люди собирались и всем миром делали дело, которое без общего участия делаться не могло. Слово «мирянин» происходит именно от этого: «всем миром», «все вместе». Поэтому можно сказать, что в храме все являются сослужителями. Не неким безгласным стадом, отделенным глухой стеной от священников, а единым народом Божиим, включающим в себя и епископа, и клириков, и мирян.

Существует священная иерархия, возглавляемая епископами, за которыми следует священство, за ним – дьяконство, а потом – миряне. Вместе с благодатью крещения человек получает благодать священства по отношению ко всему остальному миру. Потому-то мы и говорим о сослужении, о том, что в храме люди собираются для того, чтобы служить вместе. Не должно быть так, чтобы священник служил Литургию, а прихожане лишь ставили свечи и подавали записочки. Все мы должны едиными устами и единым сердцем служить Богу, восхвалять и прославлять Его, соединяясь друг с другом в нерушимом единстве веры, в единстве любви, в единстве добрых помышлений и дел. Мы призваны вознести свою молитву за всех. Недаром Господь сказал: *«Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»* (Мф. 18: 20). Люди, собравшиеся во имя Господне, становятся Телом Христовым, и тогда молитва Церкви приобретает колоссальное значение и силу.

В книге Деяний Святых апостолов рассказывается о том, что когда Иакова и Петра освобождали из темницы, и апостолы собрались вместе помолиться, от их молитв поколебалась земля. Молитва Церкви не может быть не услышана, молитва Церкви не может быть не исполнена. Она имеет всесильный характер и соединяет человека с Богом. Тогда исполняется обещанное: *«Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю»* (Ин. 14: 14).

Священник в алтаре приносит жертву видимую – Дары, стоящие на Престоле (столике, располагающемся в алтаре напротив Царских Врат и освященном архиереем для совершения на нем Евхаристии). Служение мирян – тоже жертвенное: послужить Господу – значит взять свой крест и понести его, разделив общую беду, общую скорбь. И тогда следующим этапом будет наше общее причащение Святых Христовых Таин.

Священническое облачение

Вхождение священника в храм сопровождается входными молитвами, которые он, еще не облаченный, читает перед Царскими Вратами, благоговейно испрашивая у Бога силы на служение. Он просит укрепить его в предстоящую службу и очистить от грехов, давая возможность совершить таинство без осуждения. Эта молитва звучит так: *«Господи, низпусти руку Твою с высоты святого жилища Твоего, и укрепи мя в подлежащую службу сию. Да неосужденно предстану страшному Престолу Твоему, и безкровное священнодействие совершу. Яко Твоя есть сила и слава во веки веков. Аминь»*.

После этого священник испрашивает прощения у тех, кто находится в храме в этот момент, заходит в алтарь с чтением псалма: *«Вниду в дом Твой...»*, трижды поклоняется Престолу и облачается, читая молитвы, раскрывающие смысл иерейских одежд.

Изначально клирики не имели специальных одежд, но со временем получили некоторые внешние знаки отличия от других членов Церкви. Облачения дьяконов, священников и епископов во многом схожи. В облачение дьякона входит стихарь, орарь и поручи. У священника кроме этого есть еще епитрахиль (орарь, сложенный вдвое), пояс и фелонь.

Все эти детали облачения пришли к нам из Византии и имеют символическое значение. Когда священник надевает священнические одежды, он читает молитвы, в которых раскрывается смысл каждой части облачения.

Священнический стихарь обычно называют подризником. Облачаясь в него, священник вспоминает о нетленности крещения, в котором люди во Христа облеклись.

Стихарь напоминает белую рубаху и означает целомудрие и чистоту – те брачные одежды, в которых Господь ждет нас на Свой брачный пир. Невеста Христова – это Церковь, а Церковь – это мы с вами. Священник, облачаясь в белоснежные одежды пред началом Литургии, олицетворяет брак Церкви и Христа. Он входит в алтарь как представитель народа Божиего. Он не отделен от собравшихся в храме, но приходит к Богу как *возглавитель* этого народа.

Поручи (дьяконские и священнические) надеваются в знак того, что не своими силами, не своими руками, не своей властью, не своим разумом клирик совершает богослужение, а силой Божией и Его милостью. Он ничего не сможет совершить, если его руки не преисполнятся Божественной благодатью.

Надевая пояс, священник молится: *«Благословен Бог, препоясуяй мя силою...»* Пояс – это готовность к послушанию и служению: священник готов идти, куда ему укажет Бог, внимать всем Его приказам, слышать Его зов: священнослужителю надлежит быть воином Христовым!

В облачение священника место дьяконского ораря занимает епитрахиль, символизирующая благодать священства. Епитрахиль похожа на ярмо, в которое запрягают вола или лошадь. Апостол Павел предостерегает: *«Не заграждай рта у вола молотящего»* (1 Кор. 9: 9). Вол ходит по кругу и вращает жернова; он молотит зерно, и это – тоже евхаристический образ. Облачаясь, священник обещает Богу усердно трудиться для Него. Епитрахиль выражает его готовность тянуть свою лямку, подобно запряженному волу.

Но это ярмо возлагается на него, как благодать. Благодать эта – не легкость, не радость, но – та благодать, о которой сказано: *«Иго Мое благо»* (Мф. 11: 30). Без епитрахили не совершается ни одна служба.

Наконец, священник облачается в фелонь, или ризу, которая символизирует славу Церкви, ее чистоту и святость, ее благодатность, покрывающую все недостатки человеческие, все его немощи и внутренние изъяны. Он облачается в ризу правды, как в броню, совершенно недоступную всем супротивным силам. После этого он умывает руки. Это символизирует непорочность его души и жизни.

Дьяконский стихарь и поручи имеет то же значение, что и подризник священника.

Облачаясь в него, дьякон читает те же молитвы.

Слово «орарь» восходит к латинскому глаголу «adogo», что означает «молиться». Орарем дьякон призывает прихожан к молитве. Орарь символизирует ангельские крылья за спиной. Обратите внимание: на иконах Ангелы изображаются в дьяконских одеждах – в стихаре и ораре. Ангелы непрестанно молятся, непрестанно славословят Бога, и дьяконское молитвенное служение носит характер служения ангельских чинов.

В облачение епископа тоже входят стихарь, епитрахиль, пояс и поручи. Саккос, заменяющий фелонь, похож на дьяконский стихарь, только шире и короче. Он имеет то же значение, что и священническая фелонь. Омофор означает заблудшую овцу и напоминает: епископское служение состоит в том, чтобы каждую заблудшую овцу привести к Спасителю.

Посох в руке епископа символизирует непрестанное странствование Церкви, не имеющей пристанища на земле, но всегда находящейся на пути в Царствие Небесное, потому что только там – наша истинная родина, только там – наше отечество.

Митра, возлагающаяся на главу епископа, олицетворяет терновый венец Христа, потому что Церковь, в которой правит епископ, по словам Святейшего Патриарха Алексия I, – это Тело Христово, всегда ломимое, всегда подвергаемое осмеянию, оплеванию и распятию.

* * *

Любая храмовая символика для нас, православных христиан, очень важна, но все же, не абсолютна. Мы должны понимать ее временной, исторический характер и смысл. Так, если на клирике в данный момент нет облачения, от этого он не перестает быть священнослужителем. В тюрьмах и лагерях священники не имели облачений и все же совершали Таинства.

В древности *символом* называлась глиняная или деревянная печать, разламывавшаяся пополам, когда расставались двое близких людей, которые затем хранили свои части в знак верности и единства. Таким образом, символ был знаком того, что соединяет людей, делая их единым целым.

Сейчас под словом «символ» часто понимают изображение чего-то такого, что в реальности отсутствует; он играет некую искусственную, чуть ли не театральную роль. Например, в некоторых книгах по литургике написано, что во время Малого входа, священник «изображает» шествие Христа на проповедь. Так поздняя символика, пытаясь объяснить Литургию, часто скорее замутняет смысл происходящего, нежели объясняет его. В определенном смысле происходит профанация всего священного, трепетного и таинственного, того, что словами описать и объяснить невозможно, что может быть только явлением силы и Духа.

На самом же деле никто ничего не изображает. Литургия не призвана изображать, Литургия призвана являть! Любой церковный символ являет реальность и присутствие, а отнюдь не замещает собой отсутствие. Так, если бы икона была символом, замещающим Христа, она немедленно превратилась бы в идола.

Символ присутствует в Литургии, как знак неизъяснимого, но реального, потому что слова оказываются недостаточными для того, чтобы явить реальность происходящего. Символ помогает нам так же, как помогает притча.

Священные сосуды

Чаша и Дискос – важнейшие богослужебные сосуды, употреблявшиеся еще Спасителем во время Тайной Вечери. Дискос (греч. «δίσκος») представляет собой блюдо на подножии с изображением сцен из Нового Завета, чаще всего – иконы Рождества Христова. Дискос одновременно символизирует и Вифлеемскую пещеру, и гроб Господень.

Два крестообразных покрывца, которыми покрывают Чашу и Дискос, и матерчатый плат, называемый воздухом, с одной стороны символизируют пелены, которыми был повит

Спаситель по Рождестве, а с другой – Плащаницу, в которую Он был завернут после снятия с креста.

Лжица – ложечка с длинной ручкой, употребляющаяся для причащения мирян, появилась не сразу и закрепилась в богослужебной практике довольно поздно. Она напоминает о пророчестве Исаии: *«Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен»* (Ис. 6: 6). Это – ветхозаветный образ причащения: лжица символизирует клещи, которыми Архангел вытащил угли из жаровни.

Копием римского воина Спаситель был прободен на Кресте, на Литургии же используется острый нож, которым вырезается Агнец и вынимаются частицы из просфор.

Звездица, выполненная в форме креста, представляет собой распятие и одновременно Вифлеемскую звезду, указавшую волхвам на родившегося в пещере Спасителя мира.

Для совершения Литургии необходимо красное виноградное вино, разбавленное небольшим количеством теплой воды (теплоты), по примеру того, как Господь на Тайной Вечере употребил вино с водой, и в воспоминание о том, что во время крестного страдания после удара копьем из ребра Спасителя истекли кровь и вода.

В православном богослужении употребляется пшеничный квасной хлеб, испеченный в виде просфор (от древнегреческого слова «*протсфорá*» – приношение). Просфора, или просвира, имеет круглую форму и состоит из двух частей в знак того, что Господь Иисус Христос имел Божественную и человеческую природу и единую богочеловеческую личность. На верхней части просфоры должна быть печать с изображением креста. По сторонам от него располагается надпись: «ИС ХС» (имя Спасителя), а внизу – «НИКА», что по-гречески означает «победа». На просфорах может присутствовать изображение Божией Матери или святых.

По русской традиции для совершения Литургии Иоанна Златоустого употребляются пять просфор. Кроме того, используется большое количество маленьких просфор для частных поминовений живых и усопших православных христиан, имена которых верующие указывают в записках.

Эта атрибутика появилась не сразу. В древние времена чина Проскомидии в том виде, в котором он существует сейчас, еще не было – он сложился лишь к концу первого тысячелетия. В Деяниях святых апостолов Литургию называют «Преломлением хлеба». Когда Литургия совершалась апостолами или в катакомбах, в условиях гонений, для совершения Проскомидии использовались только два богослужебных сосуда – Чаша и Дискос, на котором раскладывалось преломленное Тело Христово. С этого Дискоса верные брали Тело и вместе отпивали от Чаши, то есть причащались так, как сейчас причащаются священники в алтаре.

Позже, когда во время царствования Константина Церковь умножилась, появились приходские храмы, и преломлять хлеб для многочисленных причастников стало затруднительно. Во времена Иоанна Златоуста (ок. 347–407) появилось копие и лжица.

В богослужении ничто не может существовать само по себе. Все эти принадлежности призваны служить более полному раскрытию смысла происходящего таинства.

Как сложилась Проскомидия

В чинопоследовании Божественной Литургии можно выделить три части: Проскомидию, Литургию оглашенных и Литургию верных. Сначала поговорим о том, как сложилась Проскомидия, основной смысл которой – приготовление вещества для совершения Таинства из принесенных в храм хлеба и вина. При этом происходит поминовение всех членов Церкви земной и Небесной.

Слово «*Проскомидия*» (προσκομιδή) в переводе с греческого означает «принесение»

или «подношение». В общине святых апостолов у каждого христианина было свое «приношение» – приношение, как движение души, как смысл собрания, как нечто, объединяющее всех людей. Все всё считали общим. Это важнейший признак: во-первых, как подчеркивалось в книге Деяний святых апостолов, у всех людей было общее сердце, во-вторых, никто не почитал ничего своим и, в-третьих, каждый приносил то, что могло послужить на благо всем.

В шестой главе Деяний говорится об избрании семи дьяконов и об их рукоположении на особое служение, на «раздаяние потребностей», а в пятой повествуется об Анании и Сапфиро. Эта история вызывает у некоторых недоумение. Вспомним ее.

«Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфиною, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов. Но Петр сказал: Анания! Для чего [ты допустил] сатане вложить в сердце твое [мысль] солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоём? Ты солгал не человеку, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен; и великий страх объял всех, слышавших это. И встав, юноши приготовили его к погребению и, вынеся, похоронили. Часа через три после сего пришла и жена его, не зная о случившемся. Петр же спросил ее: скажи мне, за сколько ли продали вы землю? Она сказала: да, за столько. Но Петр сказал ей: что это согласились вы искушить Духа Господня? вот, входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут. Вдруг она упала у ног его и испустила дух. И юноши, войдя, нашли ее мертвою и, вынеся, похоронили подле мужа ее. И великий страх объял всю церковь и всех слышавших это» (Деян. 5: 1–11).

Это место в Деяниях святых апостолов действительно повергает в трепет. Ведь если описанную ситуацию рассматривать с современной, прагматической точки зрения, вина супругов вовсе не кажется очевидной. Они же принесли в Церковь собственные деньги, хотя никто их к этому не принуждал. Почему же их постигло столь страшное наказание?

Это очень серьезный вопрос, ответить на который необходимо для того, чтобы и нам всем от этой болезни исцелиться, потому что современное состояние нашей Церкви очень похоже на состояние душ Анании и Сапфиры.

Анания и Сапфира пришли в общину, где все было общее, где Господь царствовал. Пришли не за тем, чтобы отдать себя, а чтобы получить эту *благодать*, оставаясь, в сущности, прежними, оставаясь со своей корыстью.

Так и мы приносим Богу *нечто* «от своего», а все остальное считаем исключительно собственным и всего себя Богу отдаем. Сделаем вид, будто мы здесь – свои, и будем пользоваться благодатью Христовой, как свои, потому что оно подается Богом совершенно бескорыстно, как дар любви – его нельзя купить, его нельзя украсть, его нельзя присвоить. И когда человек приходит, чтобы этот дар любви украсть, чтобы лукаво присвоить его, то это – хула на Духа Святого. Это – непростительная ложь, которой человек искажает все существо Церкви.

Как же удобно жить в мире любви человеку корыстному, человеку лживому, человеку жестокому! Как легко можно подчинить себе мир, в котором все живут по законам любви и доверия! Но как же страшно прийти в этот мир таким!

Этот грех очень страшный. Апостол не просто отсекает его, он свидетельствует о том, что Дух Святой выжигает его из жизни общины, потому что такого в Церкви быть не может. Такой человек вообще не должен войти в Церковь: он будет извергнут из нее Духом Святым.

Всякий приходящий в Церковь, непременно приносит что-то необходимое для жизни прихода – свои руки, свое сердце, свой ум, свои средства. Именно благодаря таким приношениям в апостольской общине помогали вдовицам и сиротам, и всем всего хватало. Это можно назвать своего рода «христианский коммунизм», когда всё у всех было общее, и все были приносящими, и Дух Святой был «раздавателем благодати». Дьяконы принимали приносившиеся в Церковь, и распределяли дары. Так сложилась часть Литургии, называемая *приношением*, Проскомидией, когда дьякон выбирает для служения, для приношения Богу,

лучший хлеб и лучшее вино.

В древних литургических памятниках записано, что нищие и сироты приносили воду для Литургии, чтобы омыть руки и ноги страннику, чтобы эта вода служила для омовения на Литургии. Никто не должен был приходить лишь для того, чтобы брать. Все приходили *отдавать*. Принеси хотя бы воду, но не приходи пустым...

* * *

У Бога ничего нельзя купить. Бог все может только раздавать. А раздавать Он может лишь тогда, когда у человека свободны руки, чтобы принять дары. Когда в руках – сумки, к Богу их не протянуть...

И здесь очень важно понять самое главное в нашем жертвоприношении. Раньше люди приносили то, что имели, а сейчас это приняло характер платы, что замутняет наши отношения с Церковью, которая, к сожалению, в сознании многих людей превратилась в некий магазин: пришел, заплатил денежку, купил просфорочку, подал записочку... В сознании людей внецерковных или только что пришедших в Церковь понятие жертвоприношения исчезает, потому что в жертве непременно присутствует подвиг: принося жертву, человек обязательно что-то отрывает от сердца. Мы должны приходить в Церковь со свободным желанием послужить. Мы не можем просто подать записочку, пусть, мол, батюшка помолится. Это должна быть и наша молитва, и наша жертва.

А жертва Богу – дух сокрушенный, больше ничего и не надо. Не нуждается Церковь в какой-то материализации нашей жертвы и Богу кроме нашего сердца ничего не надо. Не превращайте Церковь в магазин! Не приходите для того, чтобы что-то заказать, купить и унести домой. Проскомидия – первый шаг Литургии – приношение в жертву самих себя.

Проскомидия

После возгласа: «Благословен Бог наш...», когда в храме читаются Часы, священник готовит все необходимое для Божественной Литургии. Прихожане обычно появляются в храме позже и на Проскомидии не присутствуют. Так уж сложилось в современной церковной практике, поэтому записки лучше подавать до начала Литургии, во время чтения Часов. Конечно, священник будет вынимать частицы вплоть до Херувимской, но само действие совершается именно во время чтения Часов.

Батюшка кланяется и целует священные сосуды, читая тропарь Великой Пятницы: *«Искупил нас еси от клятвы законныя...»* Таким образом, начало Проскомидии является вхождением в искупительную жертву Христову, в страдания Господа нашего Иисуса Христа.

Священник приступает к принесению жертвы, ибо главное в Евхаристии – это жертвоприношение. Вспомним самое драматическое жертвоприношение Ветхого Завета – Авраам в земле Мориа приносит в жертву единственного сына, дитя обетования. На Исааке замыкались все ветхозаветные пророчества, от него должен был произойти новый народ, народ избранный, народ Божий. И жертвоприношение Авраама совершилось, но оно состояло не в том, что он убил своего сына для Бога, а в том, что он его не пощадил. – Это прообраз евхаристического жертвоприношения. Об этой великой жертве мы слышим в евангельском чтении: *«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него»* (Ин. 3: 16–17).

Искупительная жертва Иисуса Христа и Евхаристия, которая совершается в храме, теснейшим образом связаны между собой. Это – одна и та же жертва. Мы привыкли воспринимать Евхаристию и Причастие именно как воспоминание о Тайной Вечере, которая не связана с ее продолжением, но Тайная Вечеря – это начало Голгофского жертвоприношения, начало пути в Гефсиманию, а затем – и на Голгофу. Они не могут быть отделены друг от друга. Тайная Вечеря с преломлением хлебов – это наша Литургия, которую мы не созерцаем, как театральное представление, а проживаем. Это – вхождение в

вечность, в абсолютную реальность, и мы являемся и участниками, и свидетелями этого величайшего события.

Но Проскомидия – это воспоминание не только искупительной жертвы Спасителя, но и Его воплощения и рождения, потому что Он воплотился и родился не для того, чтобы жить, а для того, чтобы умереть за наши грехи. И поэтому все слова и действия Проскомидии имеют двойкий смысл, изображая с одной стороны Рождество Христово, а с другой стороны – Его страдания и смерть.

На Дискосе изображена икона Рождества Христова. Этот праздник обычно представляется нам веселым, радостным, почти детским, но на самом деле он по сути своей глубоко трагичен. Все то, что мы встречаем в Рождестве, мы встретим и во время Страстной седмицы. Вифлеемская пещера и гроб Господень – это, в общем-то, одно и то же. Пелены, которыми Младенец повивается в яслях Марией – это та плащаница, которой Он будет повит Иосифом и Никодимом, и миро, которое приносят Ему волхвы, будет использовано для помазания Его после снятия с Креста. Таким образом, Дискос изображает одновременно и Вифлеемскую пещеру, и гроб Господень.

Когда совершается Проскомидия, мы осознаем Рождество и Воплощение Христа в неразрывной связи с Его крестной смертью, поэтому на Проскомидии вместе с воплощением происходит как бы и распятие Христово. Проскомидия – это жертвоприношение и мы – его участники. А батюшка (страшно даже говорить об этом!) является тем, кто приносит жертву.

Священник берет главную агничную просфору, копием вырезает из нее квадратную часть печати, которая и называется Агнцем, и ставит ее на Дискос. Агнец свидетельствует о воплощении Господа нашего Иисуса Христа, о том, что Сын Божий стал Сыном человеческим.

Агнец значит – ягненок. В богослужении этим словом обозначается жертва. В течение всей ветхозаветной истории ягненок всегда был самой главной и самой чистой жертвой, приносимой за людские грехи людей. Для еврейского народа принесение в жертву ягненка означало: человек согрешил, совершил зло в этом мире, а страдает за него невинный, совершенно непорочный ягненок, который является символом чистоты и кротости, беззлобия и незащитности.

Священное Писание под Агнцем подразумевает Спасителя. Когда Иоанн Креститель на Иордане видит воплотившегося Сына Божия, он показывает на Него и говорит: *«Вот Агнец Божий, который берет [на Себя] грехи мира»* (Ин. 1: 29). Поэтому эта просфора и называется Агнцем, предназначенным для жертвоприношения.

Затем священник, взяв в руку копие, надрезает один край просфоры со словами: *«Яко овца на заколение... Яко агнец непорочный... тако не отверзает уст своих»*. Эти пророчества посвящены Христу, Его ведению на Голгофскую жертву. Иерей отрезает нижнюю часть просфоры: *«Яко возьмется от земли живот Его»*.

Священник крестообразно надрезает просфору со словами: *«Жрется (то есть приносится в жертву) Агнец Божий, вземляй грех мира, за мирский живот (жизнь мира) и спасение»*.

Завершая эту часть священнодействия, иерей копием пронзает просфору с правой стороны, в том месте, где на печати написано имя «Иисус» со словами: *«Един от воин ребра Его копием прободен»*, и выливает в Чашу вино, смешанное с водой: *«И абие изыде кровь и вода, и видевый свидетельства, и истина есть свидетельство его»*.

Земное имя Спасителя – Иисус пронзается копием. На Кресте страдал человек, Бог не подвластен страданиям. Страдания на Кресте претерпел Богочеловек Иисус Христос своей человеческой природой. Именно поэтому Иисус, земное имя Креста, символизирующее Его человеческую природу, пронзается копием. После этого Агнец устанавливается в центр Дискоса.

* * *

После того, как Агнец приготовлен для дальнейшего священнодействия, священник вынимает частичку из второй просфоры, предназначенной для воспоминания о Божией

Матери и со словами: *«Предста Царица одесную Тебе»* (пророчество Давида о Богородице) кладет на Дискос справа от Агнца.

Третья просфора, называемая «девятичинной», предназначена для воспоминания всех святых. Из нее последовательно вынимается девять частичек в память Иоанна Крестителя, пророков, святых апостолов, святителей, мучеников, преподобных, исцелителей и бессребреников, праведных Иоакима и Анны, а также в память святых, в часть которых освящен храм и память которых совершается в этот день. Последняя частичка вынимается в память святого, написавшего Литургию, – Василия Великого или Иоанна Златоустого.

Поминование святых во время Проскомидии имеет очень большое значение – мы ко всем святым обращаемся, и все святые становятся рядом с нами.

Эта часть Проскомидии напоминает деисусный чин иконостаса. В центре его – Спаситель, с одной стороны – Мать Божия, а с другой – все святые в своем общении со Христом и в молитве за Церковь. Они сопричислились к Небесному Воинству и составили Церковь Небесную. Святые молят Господа, как Судию Милосердного о помиловании всех предстоящих в храме.

Церковь земную нередко называют «воинствующей», поскольку она пребывает в состоянии постоянной духовной борьбы. Все мы – воины Христовы, которые пошли на эту битву за правду, за любовь, за то, чтобы отстоять в себе образ и подобие Божие. А Церковь Небесная, как мы видим на Проскомидии, – Церковь торжествующая, Церковь победившая – НИКА. Мать Божия – справа, а все святые – с левой стороны, как могучее, несокрушимое воинство, пребывающее рядом со Христом.

Затем начинается молитва о Церкви земной. Священник берет четвертую просфору, заздравную, вынимает из нее частичку в память нашего Святейшего патриарха и патриархов, предстательствующих перед Богом в Церкви, как военачальники, которые первыми идут в бой и несут на себе тяжкий крест ответственности за Церковь. Потом он вынимает частички за епископов и всех православных христиан и молится за наше отечество.

После этого иерей берет просфору за упокоевание и, вынимая частичку, молится за тех, кто создал храм, обо всех прежде почивших православных патриархах и почивших прихожанах святого храма сего.

* * *

Наконец, священник читает записки, которые мы подаем за свечной ящик. Мы часто не понимаем, зачем эти записочки приносим, но поминование на Проскомидии является одной из величайших молитв Церкви. На самом деле наши записки – это принесение всех ко Христу с молитвой о спасении, исцелении, обращении. Когда мы молимся, Церковь наполняется страждущими, как это было у купели Силоамской. Нет другой такой сильной молитвы у Церкви кроме молитвы Литургии, которая могла бы вот так объединить и реализовать все наши прошения.

В Проскомидии своим священнодействием – я хочу подчеркнуть: именно **священнодействием** – участвует каждый человек. Наше приношение состоит не в том, что мы подали записочки и заплатили деньги. Как клирик священнодействует во время Проскомидии, так и все прихожане в этот момент принимают участие в Проскомидийном священнодействии, вознося Богу свои молитвы.

За каждое имя из просфоры вынимают частичку, и вот уже рядом со Христом, с Агнцем Божиим, взявшим на Себя грехи мира, рядом с Матерью Божией, со всей Небесной Церковью, вырастает гора частичек. Вся Церковь поместилась на Дискосе, символизирующем собой вселенную, весь мир, Богом сотворенный, в котором центр – это Христос. Рядом – Церковь торжествующая – это Мать Божия и святые, а рядом бесчисленной толпой частичек – живые и мертвые, хорошие и плохие, праведные и грешные, здоровые и больные, скорбящие и заблудшие, даже те, кто далеко ушел от Христа, предал Его, забыл о Нем, но все, за которых молится Церковь, все, которые Богу не безразличны... На этом блюде гораздо больше грешников, чем святых, – ведь мы молимся, прежде всего, о тех, кто больше всего нуждается в спасении, которые часто, как блудные дети, пребывают на стороне

далече, а мы их в Церковь приносим, как четверо принесли расслабленного, положив его к ногам Спасителя.

Теперь все они пребывают в едином пространстве вселенной, в одной Церкви, в которой Небесная составляющая неотделима от земной, поэтому и говорится, что она – Единая. Это Церковь, в которой святые молятся за грешных, и все они – рядом со Христом, все вместе будут омыты Его Кровью, оправданы Голгофской жертвой. Церковь – это удивительный и великий образ нашего соединения с Господом.

* * *

Проскомидия заканчивается ожиданием: Господь лежит во гробе. Священник кадит храм. Как волхвы принесли золото, ладан и смирну, так приносится кадило к этому приношению. Батюшка кадит звездицу и кладет ее на Дискос, покрывая крестом – залогом нашего спасения. Затем он последовательно кадит три покровца и покрывает ими церковные сосуды, как покрыт пеленами Младенец Христос, как Спаситель покрыт плащаницей.

Проскомидия являет собой великое таинство седьмого дня, когда Господь почил от дел Своих, – ту субботу благословенную, после которой мы пребываем в предощущении Воскресения Христова, в предощущении нашего спасения и жизни будущего века.

По прошествии субботы мы встречаем воскресшего Христа. Это величайшее чудо отражено в праздновании Пасхи. Собственно, пасхальная служба – есть некое внешнее осуществление нашего литургического торжества. Переход от Проскомидии к Литургии. Это – прошествие субботы, седьмого дня – конец миробытия, в котором мы сейчас пребываем.

Во время каждения алтаря священник читает пасхальный тропарь. Он очень важен для осознания пасхального смысла Литургии как таинства восьмого дня. Тропарь подчеркивает: Проскомидия и начало Литургии соответствуют концу нашей жизни на земле и вхождению в Царствие Небесное. Поэтому после того как священник покадил церковные сосуды, он подходит к Царским Вратам и открывает завесу в ознаменование пришествия Господня и нашего спасения.

* * *

Литургия начинается с того, что священник и дьякон молятся и совершают поклоны перед Престолом. Иерей читает молитву: *«Царю Небесный»*, затем звучит ангельское славословие: *«Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение»*, потому что служение, которое ему предстоит совершить, – это служение ангельское: человеку передается, как бы перепоручается, ангельская функция. В Литургии участвует вся Церковь, особым образом в очередной раз являя этим свое единство. Осознавая свою человеческую немощь, священник произносит: *«Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою»*.

Дьякон подходит к священнику и, испросив благословение, возглашает: *«Время сотворити Господеви, владыко, благослови!»* По-русски это означает: «Сейчас наступает черед работать Господу». Иными словами, все, что возможно было предпринять людям – сделано. Человеческие дары принесены, вино и хлеб стоят на жертвеннике. Теперь настало время, когда начнет трудиться Сам Господь, когда Он вступит в Свои права и будет совершать священнодействие.

С началом Литургии мы входим во время Господне, в котором нет ни прошедшего, ни будущего – а только время настоящее. Как Христос на Тайной Вечере, еще до того, как Кровь Его была пролита на Голгофе, уже даровал Ее ученикам, так и мы, участвуя в Евхаристии, входим в Сионскую горницу на единственную Тайную Вечерю. Время Господне преодолагает время земное...

Заканчиваются молитвы, священник стоит перед Престолом, который покрывает сложенный антиминс. Иерей поднимает над антиминсом Евангелие и неслышно молится, сокрушаясь о своем недостойнстве, и просит помощи Божией.

В это время дьякон возглашает у Царских Врат: *«Благослови, владыко!»* Священник отвечает ему: *«Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь»*.

Литургия как Таинство Царства

Иоанн Предтеча начинает свою проповедь с чрезвычайно знаменательных слов: *«Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное»* (Мф. 3: 2). Ранняя Церковь всецело жила этим эсхатологическим ощущением. Читая молитву Господню «Отче наш», мы тоже возвещаем приближение Царствия Божиего, трепетно вздыхая: *«Да приидет Царствие Твое!»* Мы взыскуем второе пришествие Христово, мы жаждем и ждем его, к нему стремимся и к нему себя готовим. Завершается Священное Писание тем же ожиданием Царства Небесного: *«Ей, гряди скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!»* (Откр. 22: 20). Однако при этом необходимо помнить: сама Божественная Литургия – есть абсолютная концентрация не только нашего ожидания Царствия Божия, а само пришествие Царствия Божия в силе.

Возвещая начало Литургии, мы свидетельствуем о том, что Царствие Небесное уже пришло. Оно уже наступило, уже предстало перед нами во всем своем непостижимом величии, и мы с трепетом готовы войти в Него. Церковь, в которой мы пребываем, изымается из этого «временного» времени, законы нашего мира отныне перестают действовать, равно как и законы царствовавшей до того смерти. Люди, участвующие в Литургии, становятся победителями времени и связанного с ним тления; небо спускается на землю и храм Божий превращается в Небо на земле.

Мы вновь и вновь молитвенно призываем пришествие Царствия Небесного: прежде всего, с тем, чтобы Оно таинственным образом навсегда воцарилось в нас. Не зря же Господь говорит всем: *«Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: „вот, оно здесь“, или: „вот, там“. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть»* (Лк. 17: 20–21). Христиане приходят в храм, неся на себе пыль мира сего, но незыблемые законы Царствия Небесного неизменно побеждают все земные установления. Рано или поздно и нам непременно предстоит все земное оставить и придти в храм *совершенно другими* людьми, готовыми это Царствие воспринять и наследовать, приобщившись жизни будущего века.

Образ неизреченного Царствия Божия Господь изложил для нас в притчах. Прежде всего, мне хотелось бы обратить ваше внимание на одну из них: о званых на брачный пир. Этот новозаветный текст читается в одно из воскресений, предшествующих празднику Рождества Христова, когда мы вспоминаем святых праотцев. Бог призывает к Себе всех без исключения, потому что, как говорит Он Сам: *«В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: „Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я“. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете»* (Ин. 14: 2–4).

Господь стремится к тому, чтобы все мы спаслись и никому из нас не суждено было бы погибнуть. *«Приидите, благословенные Отца Моего, – говорит Иисус, – наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира»*. (Мф. 25: 34). Но вместе с Царствием Небесным возвещается еще и Страшный Суд, ведь Второе Пришествие Христово всегда ассоциируется именно с ним...

Всякий раз, входя в храм Божий и поднимая глаза на иконостас, центральным рядом которого непременно является Деисусный чин с изображением Господа, восседающего на Херувимском Престоле, мы сразу же предстаем перед Всевышним Судией. Рядом с Ним мы видим Матерь Божию, Иоанна Крестителя, святых и всехвальных апостолов и всю Церковь Небесную. Они предстоят перед Христом и умоляют Его (греческое слово («δεήσις» – «Деисус» и означает: «прошение», «моление») о том, чтобы этот Страшный Суд стал для нас Судом величайшего Милосердия, судом не справедливости, но всепобеждающей и бесконечной Любви.

На самом деле так оно и есть, ведь каждому из нас по милосердию подается брачная одежда. Если ты взял ее, то приходишь на брачный пир и в нем пребываешь, а если не взял,

то сам себя осудил. *«Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму»* (Ин. 3: 19).

Литургия начинается со слов: *«Благословенно Царство...»* Нас эти слова наполняют и радостью, поскольку ищем Царствия Небесного, ждем и взыскуем его, и трепетом, потому что мы недостойны Царствия Божиего и часто приходим не в брачной одежде.

Каждый раз это проверка нашего внутреннего мира: содержим ли мы в себе Царствие Небесное? Готовы ли мы к Нему приблизиться, или нас страшит Второе Пришествие Христово и мы боимся дожить до того времени, когда окажемся его свидетелями и участниками? Действительно ли мы ждем этого события, или для нас это только привычная фраза, истинный смысл которой давно нами утерян? Действительно ли для нас Пришествие Христово – великий праздник, исполнение наших чаяний?

Прощения Великой Ектеньи

Мы говорим о Божественной Литургии как о Таинстве Царства, ведь наше участие в ней уж сейчас, на земле, приобщает нас к Царствию Божию.

Ектеньи возглашаются во время всех православных богослужений. Первая ектенья, звучащая в храме, называется великой или мирной ектеньей. Непременное условие вхождения наших душ в Царство Небесное заключается в том, что мы должны стяжать дух мирен.

Дьякон или священник прежде всего возглашает: *«Миром Господу помолимся»*. Слово *«миром»* в данном случае не означает, что мы молимся сообща. Это – призыв пребывать в состоянии мира душевного. Человек, приходящий на Литургию, должен быть в мире с Богом, должен быть в мире с самим собой, должен быть в мире с ближними. Не зря Евангелие учит нас: *«Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой»* (Мф. 5: 23).

Мы должны пребывать в мире, если действительно ищем Царства Небесного, потому что сказано: *«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими»* (Мф. 5: 9).

В современном русском языке слово «миротворец» означает не совсем то, что оно означало в евангельские времена. Господь не имеет в виду людей, пытающихся примирить враждующие стороны посредством достижения многочисленных компромиссов. Миротворец в евангельском понимании – это человек, умеющий творить и хранить мир в собственной душе. Такое состояние достигается огромным трудом, но этот труд духовно выстраивает человека.

Преподобный Серафим Саровский говорил: *«Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся»*. Человек, пребывающий в мире душевном, победил себя и победил дьявола. Ведь именно дьявол постоянно пытается этот мир разрушить.

Стяжать дух мирен – цель христианской жизни. Пребывать в мире – одно из самых благодатных состояний, к которому стремится наша душа. Мирное созидание и построение и является истинным миротворчеством. Человек, умеющий хранить, оберегать этот мир, тем самым создает его и вокруг себя, приносит его в храм.

После возгласа: *«Миром Господу помолимся»* мы начинаем молиться о вещах вроде бы понятных, но которые, тем не менее, необходимо осмыслить. Великая, или мирная, ектенья на самом деле является великой, а по своим прошениям – вселенской. Она обнимает все прошения земные и небесные – и материальное, и духовное устройство.

О Свышнем мире, и спасении душ наших Господу помолимся...

Мирное душевное устройство ни в коем случае не следует путать с удобством и комфортом, нередко достигаемыми лукавством и лицемерием. Сейчас популярна теория общения Дейла Карнеги, содержащая всевозможные уловки, которые позволяют человеку

внушить самому себе, что он хорош и без труда сможет наладить правильные отношения с окружающими. На самом деле мир может нисходить к человеку только с небес, поэтому мы и молимся о Свышнем мире, который посылает нам Господь.

Апостолы собрались после Воскресенья Христа за затворенными дверями. Христос воскрес, а в их душах мира нет. Они собрались так же, как и раньше собирались, но без Христа. Двери и окна закрыты «страха ради иудейского». И вот к ним является воскресший Спаситель и говорит: «*Мир вам*» (Ин. 20: 19). Он дарует мир этим полным страха сердцам.

А ведь речь идет об апостолах – учениках, которые знали Христа лучше, больше, чем другие! Как же это похоже на нас... Мы ли не знаем, что Христос воскрес, нам ли не ведомо, что Господь не оставит нас, нам ли не возвещены Евангелием, не проповеданы нашей Церковью явления силы Божией в мире? Мы знаем, что Господь с нами, и все равно «страха ради иудейского» закрываемся за стальными дверями, прячемся друг от друга и от себя. Нет в наших душах мира...

Этот мир подает нам только Господь, а мы можем его принять или отвергнуть, сохранить или растерять, умножить его в себе или расточить безумно.

О мире всего мира, благостоянии Святых Божиих Церквей и соединении всех...

Видите, как часто звучит слово «мир» в Мирной ектенье – мир, который мы призываем в свои сердца, мир, который мы призываем на всю вселенную, на душу каждого человека.

В этом прошении звучит еще одно хорошее слово – «*благостояние*». Речь идет о стоянии в добре, о стоянии в правде Божией. Церковь – нерушимый столп, свидетельствующий о правде Божией не только посредством догматов, не только через Предание, не только через писания святых отцов, не только проповедуя морально-этическое учение. Правда Божия свидетельствуется, прежде всего, через нас. Окружающий нас мир не читает святых отцов, не знает догматов Церкви и почти не знаком с Евангелием. Но именно этот мир встречает нас.

Благое стояние Святых Божиих Церквей – это стояние каждого из нас в этом благе, это – свидетельство правды Божией миру. Мы можем свидетельствовать о том, что Церковь – это столп и утверждение истины, что Церковь – хранительница истины Духа Святого только своей жизнью, только своей приобщенностью. Невозможно втолковать миру, что, хотя сами по себе мы плохи, зато среди нас есть и другие, хорошие. Нас попросту не поймут. Церковь – это ты, по тебе будут судить обо всех остальных. Мы молимся об этом благом стоянии, чтобы не пошатнуться, чтобы устоять до конца.

А еще мы молимся о соединении всех в любви. Наша Церковь – действительно Церковь Соборная, и не потому только, что ее учение основывается на Вселенских Соборах, и не только из-за того, что она рассеяна по всему миру, а, прежде всего, потому, что она, действительно, всех нас объединяет. Живший в VI столетии преподобный Авва Дорофей предложил такую схему: центром мироздания, представленного в виде круга, является Господь, а саму окружность составляют люди. Если к центру круга провести радиусы и на каждом из них обозначить разные точки – это будем мы на нашем пути к Богу. Чем ближе мы подступаем к Нему, тем ближе оказываемся друг к другу. Таков непреложный закон духовной жизни. В этом заключается и смысл нашего служения Литургии, и смысл существования Церкви, потому что Церковь должна всех нас объединить, собрав у ног Спасителя. «*Да будут все едино, – молится Господь, – как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, [так] и они да будут в Нас едино*» (Ин. 17: 21).

О святем храме сем, и с верою, благоговением и страхом Божиим входящих вонь, Господу помолимся...

Следующее прошение содержит два слова, определяющие неисчерпаемые духовные понятия: «*благоговение*» и «*страх Божий*».

Когда идет пост, мы говеем, а можно благоговеть. Понимаете, какой смысл сразу приобретает наш пост? Ведь можно не просто поститься, но этот пост провести в состоянии очень высокого духовного настроения, в состоянии мира и приобщенности к Царствию Небесному. Это и будет благоговение.

Тогда становится понятным, зачем человек постится. Не для того, чтобы по окончании поста тут же о нем забыть и с удовольствием пуститься во все тяжкие, вновь погрузиться в то, от чего нас этот пост спасал. Я молился – теперь могу не молиться, я воздерживался от скоромной пищи – теперь могу ни в чем себя не ограничивать, я что-то делал – теперь могу этого не делать, теперь я вправе отдохнуть от поста. Так часто бывает, ведь многие из нас воспринимают пост, как обузу. А если бы пост был для нас благоговением, он бы вошел в нашу жизнь, как ее составляющая, как ее неотъемлемая часть.

Святой Иоанн Кассиан Римлянин пишет, что если пост не становится состоянием нашей жизни, если по его окончанию мы возвращаемся в то место, с которого этот пост начали, если мы не становимся другими людьми, то пост был проведен бесполезно, он был не нужен. Если пост нас несколько не изменил, мы только хуже себе сделали.

Очень часто благоговение в человеке рождается через такое несение поста, которое порождает некий навык духовной жизни. Авва Дорофей утверждает, что самое главное в духовной жизни – это навык. Есть навык к злу, а есть навык к добру. Если человек сумеет воспитать в себе навык к добру, то он превратится в добродетель. А что такое добродетель? Если человек милосерден, то он милосерден каждую секунду своей жизни, у него это состояние не проходит. Добрый человек всегда добр, его нельзя разозлить. Если человек целомудрен, чист, то он не осквернится ни зрением, ни слухом. Мы же хороши лишь время от времени, мы только иногда способны на добрые поступки. Это происходит оттого, что в нас нет навыка. А пост рождает некий навык, делающий человека благоговейным.

О Великом Господине и Отце нашем Святейшем Патриарсе Кирилле, и о Господине нашем, Преосвященнейшем митрополите (или архиепископе, или епископе) (имярек), честнем пресвитерстве, во Христе диаконстве, о всем причте и людех, Господу помолимся...

Следует молитва о руководителе нашей церковной общины, о том, кто как пастырь добрый предстоит перед Христом за всех словесных овец.

Для нас важно понять, какая это величайшая ответственность – быть ходатаем перед Господом за весь народ Божий. Так Моисей молился, когда вел через пустыню египетскую свой народ, народ жестоковыйный, непослушный и неверный, который то и дело предавал и Бога, и Моисея и бунтовал, несмотря на все милости, которые посылал ему Господь. В какой-то момент Моисей даже стал кричать Богу: «Господи, ну разве я этот народ породил? Разве он мой? Почему же мне досталась такая тяжелая ноша?»

Господь укреплял Моисея и сделал его ходатаем за этот народ. По молитве Моисея Он отпускал грехи, посылал манну с неба, превращал камень в мед, потому что Моисей носил этот народ в своем сердце, как мать носит ребенка.

Вот что такое стояние епископа, стояние патриарха за свой народ. Патриарх может умолить Бога помиловать нас, несмотря на всю нашу немощь. Патриарх может дерзновенно просить у Бога наказать кого-то, что-то запретить. Не зря в принятой на Архиерейском Соборе социальной доктрине Церкви прозвучало архиерейское слово о том, что Церковь может призвать свой народ к неповиновению государству, если оно совершает прямые беззакония. Поэтому мы молимся о нашем патриархе как ходатае за каждого из нас, а также обо всем священстве, диаконстве, обо всем причте и обо всех людях.

О Богохранимой стране нашей, властех и воинстве ея...

Прошение о воинстве и о народе, конечно, видоизменяется с течением времени. Но, тем не менее, еще апостол Павел писал: «*Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены*» (Рим. 13: 1). Это часто смущает людей, особенно когда власти ведут себя оскорбительно по отношению к Церкви, когда Церковь находится в поругании. Но стоит напомнить, что апостол говорил это римлянам, когда царем был Нерон, которого многие считали антихристом, и от которого пострадал сам апостол Павел. Но, несмотря на то, что власть была откровенно безбожной, апостол призывает молиться за нее. Так же молилась Русь во времена татаро-монгольского нашествия, поминая в своих молитвах Золотую Орду.

Дальше мы молимся обо всем мире, который нуждается в нашем заступничестве:

О граде сем, всяком граде... стране, и верою живущих в них... О плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их...

О благорастворении воздушных, о изобилии плодов земных и временех мирных, Господу помолимся...

Молясь о благорастворении воздушных, мы молимся отнюдь не о хорошей погоде, а о гармонии человека и природы, человека и Бога, о той гармонии, которая ставит природу на службу человеку.

Мир был сотворен так, чтобы человеку было в нем очень удобно и приятно жить. Мир – не противник человеку, наоборот, – он его слуга. Когда Господь поручил человеку этот мир, чтобы украшал и заботился о нем, всякое движение воздушных было обязательно благорастворенным, потому что природа была подчинена законам Божественной правды и любви. Все, что ни ниспосылалось природой, ниспосылалось исключительно на благо человека. И поэтому слова о благорастворении воздушных надо воспринимать как прошение о восстановлении настоящих связей между человеком и природой, о том, чтобы природа, эти «воздухи», приносили бы нам благо.

Когда человек привносит в мир свою злобу, он разрушает эту изначальную гармонию, и природа настраивается против него. Если же человек приходит в этот мир с любовью и живет в гармонии с Богом, тогда и сама природа содействует ему.

Умилительны истории, описанные в житиях святых. Львица приходит в келью отшельника и тащит его за полу рясы в свое логово, потому что ее детеныши изранены. И отшельник выдирает из лап львят занозы, лечит их, смазывает маслом, потому что львица, бессловесная тварь, почувствовала в нем душевную гармонию. Животные знают, что их хозяин – человек.

Преподобный Герасим Иорданский воспитал льва, который водил осла на водопой, а когда преподобный отошел ко Господу, лег на его могилу и умер. Можно вспомнить о льве, вырывшем по просьбе старца Зосимы могилу для Марии Египетской. Серафим Саровский приручил медведя и кормил его с рук... Все эти истории свидетельствуют не о каком-то сверхъестественном даре, а о том, что человеческий дух пришел в гармонию с Духом Божиим.

В одной из проповедей митрополит Антоний цитирует ранних отцов Церкви, утверждавших, что Господу не нужны наши добрые дела, не нужны наши подвиги, а нужна лишь гармония между нами и Им, потому что в этом случае мы не можем быть злыми. Самое главное – достигнуть внутренней гармонии, то есть единства человека с Богом.

Литургия – это и есть то духовное пространство, в котором это единство нам даруется.

О избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды, Господу помолимся. Заступи, спаси, помилуй, и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию...

Так мы молимся о самих себе, ведь у каждого есть, что попросить у Бога. Можно и нужно просить у Него избавления от всякой нужды и скорби, от гнева, который нас раздирает. Если просить в простоте сердца о чем-то, Господь непременно отзовется.

Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, со всеми святыми помянувшие, сами себе и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим...

Это прошение соединяет нас с Церковью Небесной. Мы вместе с Богородицей, со всеми святыми, друг с другом сами себя и всех отдаем Богу – всю нашу жизнь отдаем Ему как дар и приношение, как нашу Проскомидию.

Антифоны

Сразу после Великой ектеньи поются антифоны. Согласно установленным правилам в храме должно существовать два клироса – правый и левый, и пение должно быть

антифонным, то есть попеременным, двухклиросным.

Антифонное пение известно еще со времен античных трагедий. В христианском богослужении оно появляется достаточно рано. Византийский церковный историк Сократ Схоластик говорит о том, что в Антиохийской Церкви такое пение ввел святой Игнатий Богоносец (†107). На Западе оно вошло в богослужение при святом Амвросии Медиоланском (ок. 340–397). В Константинополе его вводит святитель Иоанн Златоуст (ок. 347–407).

Антифоны могли возникнуть из крестных ходов. Крестный ход – это свидетельство Церкви миру сему. Люди выходят из храма и все окружающее пространство становится его продолжением. Верующие проходят с иконами и хоругвями по улицам города, и весь мир, хочет он того или нет, должен каким-то образом соучаствовать в этом благочестивом действе. Крестные ходы – свидетельство силы и полноты Церкви.

В Древней Церкви существовал обычай, согласно которому из разных приходов крестные ходы стекались к одному храму, в котором в тот день отмечался престольный праздник или происходило другое значительное событие. Во время шествия пелись праздничные песнопения, восхваляющие праздник или святых мучеников, во имя которых совершалось богослужение. Когда крестные ходы сходились у места, где праздновалось событие, они совершали песнопения попеременно. Антифоны – это гимны шествия, гимны сбора, гимны подготовки.

Во время повседневных служб поются будничные или всedневные антифоны. На воскресных службах, на которых мы с вами чаще всего присутствуем, и в дни некоторых праздников поются антифоны воскресные или изобразительные. Праздничные антифоны поются только на Господские праздники (такие, как, например, Рождество или Преображение) и на Сретение Господне, которое является как бы переходным праздником между Господскими и Богородичными.

Антифоны пророчески изображают милости Божии, явленные человечеству через воплощение Сына Божия. Воскресных антифонов три: псалом 102, псалом 145 и «Блаженны». Их разделяют малые ектеньи. Во время пения антифонов священник находится в алтаре и читает так называемые тайные священнические молитвы.

Раньше тайные молитвы читались вслух – никакой тайны в них нет; все дело в их непостижимости и величии. Однако, начиная с VI века, их тихо читают в алтаре, в чем проявляется некое внешнее разделение на тех, кто священнодействует у Престола, и тех, кто священнодействует как народ Божий. По мнению многих богословов, сила священнодействия таким образом ослабляется. К сожалению, сейчас мы пожинаем плоды этой редукции, потому что в сознании многих людей лишь священник совершает Литургию, лишь он молится, а все остальные только присутствуют при этом. На самом деле это не так – все молитвы во время Божественной Литургии возносятся от лица всех собравшихся в храме. Каждому из нас следует знать и понимать их. Антифоны и ектеньи не заменяют священнические молитвы, но являются их продолжением.

Первый антифон представляет собой 102 псалом: *«Благослови, душе моя, Господа...»*

В это время читается молитва: *«Господи Боже наш, Егоже держава несказанна и слава непостижима, Егоже милость безмерна и человеколюбие неизреченно, Сам, Владыко, по благоутробию Твоему, призри на ны и на святыи храм сей и сотвори с нами, и молящимися с нами, богатыя милости Твоя и щедроты Твоя»*.

Перед **Вторым антифоном** звучит малая ектеня и возносится молитва: *«Господи Боже наш, спаси люди Твоя и благослови достояние Твое, исполнение Церкви Твоея сохрани, освяти любящая благолепие дому Твоего; Ты тех возпрослави Божественною Твоею силою, и не остави нас, уповающих на Тя»*.

Слово «исполнение» в данном случае означает – «полнота». Священник молится о сохранении полноты Церкви, о том, чтобы каждый человек обладал полнотой Царствия Небесного.

Второй антифон состоит из 145 псалма: *«Хвали, душе моя, Господа...»* и

догматического песнопения: *«Единородный Сыне и Слове Божий...»*, выражающего догмат Церкви о Боге в Троице и о вочеловечении, рождестве и принятии на себя человеческой природы Сына Божия, который является единосущным Отцу и Святому Духу. Это песнопение сочинил византийский император Юстиниан I (483–565), причисленный к лику святых за свое благочестие.

Не случайно выбран именно этот псалом – в нем заложен глубокий литургический смысл. К сожалению, поются только избранные стихи, в число которых не входят очень важные строки: *«Господь на небеси уготовал Престол Свой и Царство Его всеми обладает»*, которые непосредственно относятся к нашему стоянию на Литургии. Царство, освящающее наши сердца и нашу жизнь, обладает всеми, и никто не лишний в этом Царстве. Литургия – это жертва за жизнь всего мира, это действительно пришествие Царства Небесного в силе, которое всеми обладает и которым каждый может обладать.

После пения Второго антифона отверзаются Царские Врата и поется **Третий антифон**, состоящий из Заповедей Блаженства. Молитва Третьего антифона звучит так: *«Иже общия и согласныя даровавый нам молитвы, Иже и двема или трем, согласующимся о имени твоем, прошение подати обещавай. Сам и ныне раб Твоих прошения к полезному исполни, подавая нам в настоящем веке познание Твоея истины, и в будущем живот вечный даруя»*.

Человек, читающий Псалтирь регулярно, легко воспринимает богослужение, потому что практически и вечерня, и утренняя, и всенощное бдение, и Литургия во многом состоят из пения псалмов. Очень многие песнопения, даже стихиры, которые поются в честь святых, во многом составлены на основе псалмов. Именно поэтому необходимо хорошо знать Псалтирь.

* * *

Во время Третьего антифона совершается Малый вход, который называется «Входом с Евангелием». В старину прихожане собирались у еще закрытого храма. Народ встречал архиерея, и малый вход был входом епископа в церковь. Сейчас этот вход скорее похож на выход, потому что из алтаря выходят через северные врата, а потом входят в центральные Царские врата. В древней Церкви Евангелие хранилось в особой сокровищнице, и именно перед входом в храм оно выносилось из храмовой хранильницы, поэтому шествие с Евангелием в древней Церкви было особенно значимым действием.

Эту традицию наша Церковь сохранила в архиерейском служении. При входе епископа в храм износится Евангелие для благословения, архиерей облачается в священные одежды именно во время пения антифонов и читает входные молитвы, поскольку, как мы знаем, именно архиерей является исключительным служителем Божественной Литургии.

Сейчас Вход с Евангелием символизирует выход Христа на проповедь. Взяв Евангелие с Престола и подняв его над собой, священник с чтением благословляющей молитвы выходит через северные двери и входит в Царские врата. Перед ним выносится свеча.

Литургия – это сослужение Церкви земной и Небесной. В своей молитве священник просит о том, чтобы с входом священнослужителей в алтарь Господь сотворил и вход Ангелов, им сослужащих и славословящих Божью благодать.

Наше знание чинопоследования Божественной Литургии, в том числе антифонов, очень важно для полноценного участия в ней. Мы стоим и тихонечко подпеваем клиросу, осознавая, что происходит в храме, и что стоит за произносимыми словами. Это и является нашим участием в общей литургической молитве, в той самой молитве, которую священник читает в алтаре.

По окончании пения антифонов дьякон или священник поднимает Евангелие, крестообразно благословляя им прихожан, и произносит: *«Премудрость, прости»*. Слово *«премудрость»* предупреждает молящихся о глубоком содержании следующего пения и чтения, а слово *«прости»*, то есть «стойте прямо», призывает к особому вниманию и благоговению.

После пения *«Приидите, припадем и поклонимся Христу, спаси ны, Сыне Божий...»* поются церковные песнопения, называемые тропарями и кондаками. Они кратко повествуют о подвиге святого или выражают суть праздника, который в этот день

совершается. В это время священник в алтаре от лица всех верующих молится Господу, чтобы Трисвятую песнь, от Серафимов воспеваемую, Он принял и от нас, смиренных и грешных, простил нам всякое согрешение и освятил наши помыслы, души и телеса.

Трисвятое

Малый вход завершается пением Трисвятого. Историю происхождения этой молитвы мы находим в Священном Писании и Священном Предании. Прежде всего, она связана с видением пророка Исаии, которому явился Ветхий Денми, то есть Бог в образе старца, сидящий на высоком Престоле. *«Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лицо свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И взывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!»* (Ис. 6: 2–3). Увидев Бога, Исаия возопил: *«Горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен»* (Ис. 6: 5–7).

Существует благочестивое предание: в Константинополе случилось чудо, явленное одному отроку, который во время землетрясения был восхищен на небеса. Ему тоже довелось услышать ангельское пение: *«Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный...»* Когда он пришел в себя и поведал обо всем епископу, тот решил пройти по стенам города с пением Трисвятого, добавив к нему: *«Помилуй нас!»*. После этого крестного хода землетрясение закончилось и город был спасен. Именно в этом виде Трисвятая песнь вводится в богослужение. Таково церковное предание. Документально же она впервые зафиксирована после завершения первого заседания Халкидонского Собора (451), когда отцы Церкви вышли из храма под пение Трисвятого.

Надо сказать, что в храме не всегда звучит Трисвятая песнь; иногда поются другие песнопения, которые заменяют собой Трисвятое. Это – праздничные дни, в которые поется: *«Елицы во Христа креститесь во Христа облекостесь...»* Такие песнопения поются во время Рождества, Крещения, на Пасху и на Троицу. В древней Церкви эти дни были праздниками рождения во Христе новых членов, которые приходили к крещению после долгого периода катехизации, для многих длившегося годами.

В молитве входа мы впервые встречаемся с тем, что литургическое служение приравнивается и превозносится до служения ангельского. *«Сотвори со входом нашим входу святых Ангелов быти, сослужащих нам и славословящих Твою благодать...»*, – произносит священник во время Малого входа.

Знание о том, что в этот момент Церковь Небесная и Церковь земная соединяются в едином служении, постоянно подчеркивается во время Евхаристии, особенно во время служения Литургии Преждеосвященных Даров, когда поется: *«Ныне Силы Небесные с нами невидимо служат»*.

Наше славословие трисвятым гласом, которое воспеваем мы, грешные люди, принимается Господом, как славословие ангельское, потому что каждый, пришедший на служение Литургии, находится на пути в Царствие Небесное. Мы возгласили: *«Благословенно Царство»*, провозвестили Царствие Божие, пришедшее в силу, – и вот все законы Царствия Небесного совершенно реально соприсутствуют с нами. Мы можем славословить Бога в Царствии Небесном только как Ангелы, только вместе с ними, теми же словами и тем же гласом.

Нельзя сказать, что мы безусловно спасены и оправданы, как это представляют себе протестанты, считающие себя уже спасенными, – но в каком-то смысле это действительно так, потому что принять это спасение или не принять его – зависит только от нас. Так евангельскому юноше было предложено: *«Приходи, последуй за Мною, взяв крест»* (Мк. 10:

21). Мы можем воспользоваться этим приглашением Господа, а можем так же, как и юноша, отойти с печалью. Выбор остается за нами: мы либо идем за Христом, либо ведем себя, как сторонние зрители, воспринимая все, происходит вокруг нас как нечто, нас не касающееся.

Начинается ангельское славословие и мы воспеваем Творца. Скоро будет читаться Евангелие, очень скоро произойдет Его явление. Царство Божие придет в силу, будет звучать в храме, как Слово Божие, Которым мир сотворен, Которое действительно стало плотью, обитало среди нас, полное благодати и истины. Когда пришествие Евангельского слова ожидается Церковью, оно воспевается ангельским гласом. Поэтому Трисвятая песнь, которая поется при внесении Евангелия в храм, еще раз каждого из нас ставит перед реальностью нашего присутствия в Царствии Небесном, нашего принятия или непринятия его, нашего следования или не следования за Христом.

На наших глазах совершается то же самое, что происходило две тысячи лет назад. Приходит Христос и начинает учить. Он возвещает свое слово, вокруг Него собираются многие люди, как в синагоге в Капернауме, когда Он говорил о хлебе, сошедшем с небес. Некоторые слушают, не верят и уходят. Они не принимают слово, потому что оно в них не вмещается. Другие говорят: *«Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни, и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живого!»* (Ин. 6: 68–69) и остаются вместе с Ним, несмотря на свое недостойство, свою ущербность, свое непонимание.

Так происходит всякий раз, когда служится Литургия, когда Христос предстает перед нами, а мы Его ожидаем, мы воспеваем Ему Трисвятую песнь – это ангельское славословие, которое дано нам, как реальным участникам Царства Небесного.

Чтение Апостола

После Трисвятого в храме следует чтение Апостольских посланий или, как принято говорить, Апостола. Эта часть Литургии слова очень древняя. Когда в первые века христианства община собиралась для воспоминания о Тайной Вечере, прежде всего ей возвещалась Благая Весть. Приходил апостол и начинал, цитируя Писание доказывать, что Иисус – есть Христос. Он приводил отрывки из пророчеств Ветхого Завета о Мессии, показывая, что речь в них идет именно об Иисусе, который был распят и воскрес. Это была главная часть апостольского благовестия.

Фрагменты этих проповедей зафиксированы в прокимнах, возглашающихся после Трисвятого перед чтением Деяний или Посланий святых апостолов. Прокимен (от греческого слова *προκειμενον* – буквально «лежащий впереди») – в Православной Церкви неоднократно повторяемая песнь, чаще всего состоящая из двух стихов псалма, хотя есть прокимны, взятые из Евангелия или Апостола. В них наиболее очевидно и часто встречаются пророчества о пришествии Христа. Раньше они зачитывались и пропевались полностью, но со временем сократились до двух строк, одна из которых обычно является начальной строкой текста, а другая взята из его середины.

В католической Евхаристии, мессе, псалом перед чтением Евангелия до сих пор читается полностью и является настоящим прокимном – предвозвестником Нового Завета. В православной Церкви ветхозаветное пророчество полностью читается на вечерне при службе Великим праздникам – это так называемые Паремии, то есть отрывки из Ветхого Завета, посвященные памяти Пресвятой Богородицы, Великим праздникам Господским или памяти святых. Выбираются отрывки из Священного Писания соответствующие по духу и по смыслу празднуемому событию.

Так называемые избранные псалмы также пропеваются нами во время величания на утрени – хор возглашает строчку из избранного псалма, посвященного празднику, а затем, как рефрен, поет величание. Все это отголоски той древней Литургии, на которой чтение Священного Писания и особенно Ветхого Завета занимало значительное место.

После чтения ветхозаветных текстов, пришедший в общину апостол рассказывал о самом Христе. Он возвещал Его учение, впоследствии ставшее Евангелием (ведь изначально

Евангелие было Священным Преданием Церкви, и только спустя несколько десятилетий апостолы зафиксировали свои устные проповеди). Каждый апостол нес Евангелие, которое было либо плодом его личного опыта общения с Иисусом, либо рассказом, услышанным им от людей, видевших и слышавших Христа. Как пишет Иоанн Богослов, *«о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам»* (1 Ин. 1: 3).

Церковь живет апостольской проповедью. Чтение посланий – это присутствие в храме самих апостолов.

Апостолы писали Церквам. То, что нам известно как Послания апостолов – на самом деле их письма, самые обыкновенные письма, отправленные близким людям из ссылок или путешествий. Это письма от учителя, с которым не было возможности общаться лицом к лицу. Община прочитывала их по сыновнему, очень внимательно и с большой любовью, а потом передавала соседнему храму, соседней общине. Так эти письма становились доступными всем христианам. И сейчас мы их читаем и слышим. В богослужении они как бы предостоят Евангелиям, располагаясь между пророчествами Ветхого Завета о Христе и исполнением этих пророчеств в Завете Новом.

Читающий эти послания стоит посередине храма, как апостол, пришедший в общину христиан и возвещающий людям спасение, которое Господь принес в мир, а дьякон в это время совершает каждение алтаря, чтеца, а потом и всех молящихся.

Священник во время чтения Апостола сидит, как равноапостольный, как тот, кто знаменует собой присутствие апостольства в общине, является продолжателем апостольского служения – ведет людей ко Христу и возвещает людям правду Божию. Вот в чем состоит смысл чтения апостольского, а затем и чтения евангельского.

После того, как Апостол прочитан, чтец возглашает: «Аллилуйя!», что в переводе с иврита означает: «Хвалите Господа!»

Чтение Евангелия

Центральное место в Литургии слова, конечно же, занимает само Евангелие. Можно даже сказать, что эта часть Литургии посвящена Евангелию, и все, что происходит на ней, является некоей подготовкой к тому, чтобы Евангелие было явлено и прочтено.

В Литургии слова, которая называется также и Литургией оглашенных, есть некая самостоятельная жизнь и завершенность, потому что для оглашенных она заканчивается именно чтением Евангелия, после которого по правилам древней Церкви им следует покинуть храм.

Четвероевангелие, которые мы сейчас читаем, было написано в период с 60-го по 110–115 годы, то есть в течение нескольких десятилетий Евангелие было только Священным Преданием, которое апостолы передавали своим последователям устно. И все же это было истинное Евангелие, это было слово Божие. Тем не менее, Евангелие как Священное Писание появилось в жизни Церкви довольно рано и отношение к нему было исключительно серьезным.

На Пасху мы читаем: *«Сначала было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»* (Ин. 1: 1). Очень часто и в Священном Писании, и в творениях святых отцов Иисус Христос, Сын Божий, называется Словом Божиим, Божественным Логосом (от греч. λόγος – «слово»). Открывая первую книгу Библии, Книгу Бытия, мы видим, что ее начало очень похоже на первые строки Евангелия от Иоанна: *«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою»* (Быт. 1: 1). Затем описывается, как происходит творение: *«И сказал Бог: да будет свет. И стал свет»* (Быт. 1: 3). Бог изрекает свое Слово, и весь мир творится через него. Об этом псалмопевец говорит: *«Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его – все воинство их»* (Пс. 32: 6).

Мир, если можно так сказать, «словесен» – он действительно принимает свое бытие через Слово. Слово Божие настолько всесильно и всемогуще, что через вторую ипостась

Святой Троицы весь мир из небытия приходит в бытие.

Апостол Павел так определяет слово Божие: *«Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов и судит помысления и намерения сердечные»* (Евр. 4: 12).

И вот Слово стало плотью: Господь явился в мир и принес в него Свое слово, запечатленное в Евангелии. Это слово живо и действенно.

Евангелие – не просто фразы, выстроенные в строки, разделенные на главы и несущие некую информацию. Обычный текст не может быть полностью отождествлен с его автором, даже если речь идет об автобиографии. Сотворенное человеком – книга, художественное полотно или музыка не может быть самим автором, самим творцом. А вот Евангелие оставлено нам Господом как чудо пребывания Бога в Слове. На это указывают и некоторые моменты богослужения. Например, во время архиерейской службы владыка снимает с себя омофор и митру – знаки своего первосвященства, знаки того, что он возглавляет Литургию, как Христос возглавлял Тайную Вечерю. Он уходит в сторону, потому что сейчас Господь Сам присутствует и Сам говорит.

Когда на всенощной выносят Евангелие, мы прикладываем к нему вместо иконы Воскресения Христова, потому что это – Слово Божие, воплощенное и воскресшее, это – присутствие на Литургии Самого Христа. Евангелие являет собой икону, образ Божий. Евангелие кадит священник, Евангелие мы целуем, когда Господь прощает нам грехи на исповеди.

Иногда говорят, что, если бы Евангелие, как книга, вдруг исчезло, его можно было бы восстановить по писаниям ранних отцов христианства, настолько точно и полно они его цитируют. И вот что удивительно: Церковь в те времена распространялась, как благовестие того Евангелия, которое никто не читал, а может быть, даже и в руках никогда не держал!

Книга была одной из величайших ценностей античного мира, и не все даже богатые люди могли позволить себе их приобретение. В течение веков христиане лишь в храме во время богослужения могли приобщиться слову Божию, узнать его, чтобы потом им жить, за него страдать и воплощать его в своей жизни.

Евангелие – это знамя Церкви, ее духовное сокровище. Внесение Евангелия в храм считалось вхождением в храм вместе со Христом, а само звучание Евангелия – кульминацией Литургии слова. Можно сказать, что это было действительно причащением Самому Христу: слово Божие звучит, ты его воспринимаешь, соединяешься с ним, оно пронзает тебя, как меч обоюдоострый, и судит твои помысления и намерения сердечные.

Не удивительно, что в житиях святых встречаются истории, подобные той, что произошла с раннехристианским подвижником Антонием Великим. Он пришел в церковь, услышал воскресное евангельское чтение о богатом юноше, вышел из храма, раздал свое имущество и ушел в пустыню. Антоний осознал, что прочитанное непосредственно относится к нему, приобщился слову Божию и полностью изменил свою жизнь, став другим человеком.

Евангелие, звучащее в храме, по своей благодатной силе нисколько не уступает живой проповеди Христа, звучавшей две тысячи лет назад в Галилее. Это то же самое Слово, которое сотворило мир. Этим словом воскрешались мертвые, слепые прозревали, глухие обретали слух, хромы начинали ходить, а прокаженные очищались. Ничего не изменилось с тех пор, потому что Христос вовеки тот же, и слово Его не может со временем обесцениться, потерять свою силу.

Потому-то мы и называем Церковь святой, что каждое мгновение своего существования она тождественна самой себе. Все происходящее в ней происходит точно так же, как это было всегда. Христос учит нас своим словом и лишь от нас зависит, как мы это слово слышим, как его принимаем, как живем им.

К сожалению, во время Литургии мы почему-то ждем начала «самого главного» – Великого входа, Евхаристии, причащения. «Вот тогда-то мы и начнем молиться!» – думаем мы. Но ведь на самом деле все уже давно началось! Когда священник провозглашает

«Благословенно Царство», это Царство уже грядет!

Для оглашенных чтение Евангелия является главной встречей со словом Божиим, потому что остальное им пока еще недоступно. Они еще не родились во Христе, однако слово Божие преображает их уже сейчас.

Даже когда это слово звучало из уст Самого Господа, люди воспринимали его по-разному. Семь тысяч человек уходили в пустыню, все бросив и забыв взять с собой еду, только для того, чтобы услышать Иисуса. Господь говорил им о хлебе, сошедшем с небес, но некоторые ожидали от Него удовлетворения своих сиюминутных потребностей и, не дождавшись этого, уходили разочарованными. «Какие странные слова! – недоумевали они, – О чем это Он?» Но апостолы остались с Господом, ведь только Он имеет глаголы вечной жизни. Вот эти глаголы вечной жизни и есть Евангелие.

Слово Божие на Литургии без сомнения является настоящим Богоявлением. Но узнать Господа, услышать Его должны мы. Это – необходимый этап, через который мы должны прийти к приобщению Его Тела и Крови.

Чтение Евангелия в храме – возможность нашей встречи с Богом. Что с нами происходит в этот момент? Как мы живем этим словом потом? Какими мы уходим из храма? Это – важнейшие вопросы, на которые нам предстоит дать правдивые ответы.

Сугубая ектенья

После чтения Евангелия звучит Сугубая ектенья. Литургия оглашенных завершается и начинается новый этап литургического восхождения. Сугубая ектенья входит в состав каждой службы. По прошениям она схожа с Мирной, которой обычно богослужение начинается.

В начале службы свернутый антиминс лежит на Престоле. Теперь же священник разворачивает его с трех сторон. Неразвернутой остается только верхняя часть, которую иерей открывает чуть позже, во время ектеньи об оглашенных.

Сугубая ектенья всеобъемлюща. Она включает в себя все прошения мира, все его нужды и горести. Однако, несмотря на то, что идет прошение о вещах общих, космических, Церковь, тем не менее, молится о каждом из нас.

Христианин участвует в Литургии, являясь ее сослужителем, а, значит, он пришел в храм не просто для того, чтобы просить что-то для себя лично, но в этот момент сам сделался Церковью. Поэтому Литургия обнимает собой не только весь космос, но и каждого человека отдельно со всеми его печалью и тяготами. Веровать в Святую Апостольскую Церковь – значит верить в то, что она все твои прошения, всю глубину твоей скорби, всю твою радость, все твои тревоги, все твои благодарения принесла к Престолу Божию.

* * *

Люди, не осознающие всеобъемлющего значения Церкви, часто просят священника специально помолиться по какому-то конкретному поводу, хотя в самой Литургии присутствует исполнение всех прошений. В практику нашей Церкви вошло служение молебнов и панихид после Литургии. Но раз ты стоишь в Церкви, Господь видит тебя вне зависимости от того, подал ли ты записку или нет. Он прежде твоего прошения знает обо всем, в чем ты нуждаешься, обо всем, что ты собираешься у Него попросить.

На мой взгляд, служить молебен после Литургии бессмысленно. Эта традиция прижилась исключительно из-за того, что часть людей, пришедших на службу в храм, участвует в Литургии, а часть – лишь присутствует при этом, ожидая «главного»: сейчас прозвучит их личные просьбы и батюшка начнет молиться об их здоровье, об их успехе и благополучии, хотя все эти прошения и без того включены в Литургию. Спаситель мира приносит жертву за всех и за вся.

Возникает закономерный вопрос: зачем же тогда вообще существуют молебны, зачем мы служим панихиды? Они присутствуют в церковной жизни в качестве внелитургических

действий. Ни в Греции, ни в Болгарии молебны после Литургии не совершаются, да и в России прежде такой практики не было. Священника приглашали в дом или в какое-то другое место, где он служил молебен по конкретному поводу, например, на ниспослание дождя.

Однако если есть нужда помолиться о ком-то особенно, например, о болящем, то о нем должна молиться вся Церковь, а не только священник. Для этого существуют специальные прошения, дополняющие сугубую ектенью, — о путешествующих и плененных, о страждущих и болящих.

* * *

Заканчивается Литургия слова ектеньей об оглашенных.

До революции оглашенных не было, их просто быть не могло, а сейчас они опять появились в нашей Церкви. Снова есть, кого просвещать, есть, кого готовить к Таинству крещения, есть, кому проповедовать азы христианства. Сегодня огромное количество людей приходят к купели без оглашения, а это неправильно. Подготовка людей к крещению и церковная молитва о них совершенно необходимы.

Институт оглашения или катехизации (от греческого слова *κατήχησις* — «поучение, наставление») сохранялся в Церкви довольно долго. Катехизацию проходили все желавшие принять крещение. В IV–VI веках, когда Римская империя стала практически христианской, несмотря на разделения и многочисленные ереси, было принято, чтобы крещение принимал уже взрослый, сложившийся человек, детей же практически не крестили. Такая традиция обуславливалась благоговейным отношением к Таинству крещения и вступлению в Церковь. Кроме того, язычников христиане принимали к себе только после очень серьезной подготовки. Однако, когда Церковь подвергалась гонениям, условий для оглашения не было. Уверовали в Господа? Сердцем веруете во Христа? Сама жизнь станет испытанием вашей веры...

Когда времена гонений прошли, Церковь пополнилась значительным количеством новообращенных и несколько оскудела в вере. Своеобразной формой протеста против оскудения благочестия стало монашество, а оглашение приняло несколько другие формы.

Начали открываться огласительные училища для подготовки к крещению. Первые такие училища были созданы в Александрии, а первыми учителями стали Климент Александрийский (ок. 150 – ок. 215) и его ученик Ориген (ок. 185–254). Период оглашения обычно составлял от сорока дней до трех лет. Крещение происходило отнюдь не ежедневно, в основном — перед Пасхой, в Великую Субботу, что было очень символично. Крещение воспринималось, как крещение в смерть Христову.

Во время Таинства читается Послание апостола Павла к Римлянам: *«Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни»* (Рим. 6: 3). Для каждого крещаемого была совершенно очевидна реальность сопребения со Христом, умирание ветхого человека и воскресение его в обновленной жизни. До сих пор на Рождество, на Крещение, на Пасху и на праздник Святой Троицы вместо Трисвятого в храмах поется: *«Елице во Христа креститесь, во Христа облекостесь...»* Происходит это в те самые дни, когда по обычаю Церкви совершалось крещение оглашенных.

Равноапостольный царь Константин Великий принял крещение только на смертном одре. Парадоксально, но, даже открывая Первый Вселенский Собор и провозглашая христианскую империю, он был еще не христианином, а лишь оглашенным. Он долго не мог принять крещение, потому что его совесть была обременена множеством грехов: Константин воевал, наказывал преступников, проливал кровь. Он не мог сочетать жизнь по Евангелию с исполнением обязанностей правителя.

Любопытен случай, происшедший со святителем Амвросием. Когда надо было поставить епископа в Медиолане (современном Милане), выбор благочестивых христиан пал на Амвросия. Он воспитывался в христианской семье, бабка приняла мученическую смерть

за Христа, его сестра была монахиней, возглавляя общину девственников, а сам он до сорока лет был не крещен. Лишь после того, как его выбрали епископом, он за четыре дня прошел все степени посвящения: в первый день его крестили, во второй – рукоположили во дьяконы, в третий – в священники, а в четвертый он в одежде крещаемого принимал посвящение в епископы, потому что по древней традиции новообращенные в течение девяти дней носили белые крестильные одежды.

Я уже не говорю о таких замечательных подвижниках, как Григорий Богослов (329–389), чей отец был епископом, Василий Великий (ок. 330–379) и Иоанн Златоуст (ок. 347–407), крестившихся, когда им было не менее тридцати лет. Крещение в те времена воспринималось почти как монашеский постриг: рождался другой человек, живший совершенно иной жизнью, отрекшийся от мира и полностью посвятивший себя Христу.

Истинный смысл крещения для тогдашних христиан был гораздо очевиднее, чем для современных людей. Позже стало принято крестить только младенцев. Катехизацию, то есть оглашение, Церковь возложила на восприемников, то есть на крестных родителей, которые, по мнению Церкви, и должны были воспитать ребенка христианином и брали на себя такую ответственность перед Богом. Однако, оказалось, что крестные со своей задачей не справлялись, потому что, как справедливо заметил Николай Семенович Лесков, «Русь была крещена, но не просвещена»...

Ныне мы видим вокруг себя немало крещеных людей, в сознании которых великое Таинство осталось лишь формальным актом. Крестившись и получив возможность спасения в Церкви, они так и не обратились к Богу, не зажили духовной, церковной жизнью.

Зачастую поведение людей определяется традицией – раз мы родились и выросли в православной стране, раз сами были когда-то крещены, то надо и детишек своих окрестить: глядишь, и болеть будут реже! Это абсолютно языческий подход, при котором истинный смысл крещения размывается. Не только в России, но и в других православных государствах крещение превратилось в красивый, но исключительно внешний обряд. Люди перестали ощущать свою ответственность за данные Богу обеты.

Настало время вернуться к древней практике оглашения. Это – важнейший период в духовной жизни человека. А вдруг, узнав, что от него в дальнейшем потребуется, он испугается и передумает? Многие сейчас хотят креститься, но в какого Бога они уверовали, чем обусловлено их намерение, часто объяснить не могут. Принятие крещения и вступление в Церковь для них – два нисколько не связанных между собой явления. Крещение воспринимается ими как заключение какого-то договора с Господом: я, дескать, крестился, значит, теперь Бог будет мне помогать, но Церковь здесь совершенно ни при чем, Бог пребывает в моей душе!

Если вам предлагают стать крестным или крестной, помните: это – огромная ответственность! Невидимая связь, заключаемая между крестниками и их восприемниками, сохранится и в будущей жизни. Господь непременно спросит у нас: где наши крестники, почему они не в Церкви, почему мы для них ничего не сделали. Конечно, крестным вменяется в обязанность молиться за своих крестников, но не только молиться, а постоянно участвовать в их истинном воцерковлении.

Херувимская песнь

После ектеньи об оглашенных антиминос уже открыт, и храм готов к принесению бескровной жертвы. Церковь уже вознесла все моления и поминовения, не забыв ни живых, ни умерших, ни оглашенных, и дьякон возглашает: *«Изыдите, оглашенные, изыдите...»* – чтобы только верные остались в храме во время Божественной Литургии.

Евхаристическим словом «верные» называют христиан. После ектеньи об оглашенных звучат две молитвы верных.

Первую из них священник читает во время малой ектеньи верных: *«Благодарим Тя,*

Господи Боже Сил, сподобившаго нас предстати и ныне святому Твоему Жертвеннику и припасти ко щедротам Твоим о наших гресех и о людских неведениях. Приими, Боже, моление наше, сотвори ны достойны быти, еже приносить Тебе моления и мольбы и Жертвы Бескровныя о всех людех Твоих; и удовли нас, ихже положил еси в службу Твою сию, силою Духа Твоего Святаго, неосужденно и непреткновенно, в чистом свидетельстве совести нашея; призывать Тя на всякое время и место. Да, послушая нас, милостив нам будеши во множестве Твоея благодати» .

В первой молитве верных говорится о людях, стремящихся эту верность хранить. Если же они верность хранить не стараются, тогда их и верными, то есть христианами, назвать очень трудно.

После следующей ектении священник читает вторую молитву верных: *«Паки и многаяжды к Тебе припадаем и Тебе молимся, Благой и Человеколюбче, яко да призрев на моление наше, очистиши наша души и телеса от всякия скверны плоти и духа, и даси нам неповинное и неосужденное предстояние святаго Твоего Жертвенника. Даруй же, Боже, и молящимся с нами преспеяние жития, и веры, и разума духовнаго. Дажь им, всегда со страхом и любовию служащим Тебе, неповинно и неосужденно причастится Святых Твоих Таин, и Небеснаго Твоего Царствия сподобится» .*

Священник в этой молитве просит о том, чтобы все люди, находящиеся в это время в храме, без осуждения причащались бы Святых Христовых Таин. Это означает, что все прихожане действительно готовы приступить к причастию, иначе эта молитва непонятно зачем читается.

Случается так, что приходит человек на службу, а причащаться не хочет. Почему? Ведь отлучить нас от причастия, отлучить нас от безграничной любви Божией может только смертный грех и больше ничто. А не причащаемся мы чаще всего потому, что лень нам мешать: лень прийти вечером на службу, лень помолиться, лень потрудиться над собой, не хочется мириться со своим ближним и исповедоваться.

Так для кого же читаются молитвы верных? Принимая святое крещение, каждый из нас давал обеты веры. Христианин называется верным не только потому, что он доверил свою жизнь Богу, но потому, что обещал хранить Ему верность. Ради этой верности Господь дарует человеку Свои Великие Таинства. Обеты верности принадлежат вечности.

* * *

«Мы, таинственно изображающие Херувимов и припевающие трисвятую песнь творящей жизнь Троице, оставим сейчас всякую житейскую думу, чтобы поднять Царя всех невидимо копыеносимого чинами Ангелов. Какие загадочные слова поются за Литургией. Кто может слушать их без трепета? Вдумайтесь. Мы таинственно изображаем Херувимов. Не подобным ли изображается подобное? А мы изображаем Херувимов...»

Отец Павел Флоренский

«Иже Херувимы тайно образуяще...» Что означают эти странные слова? Мы только знаем, что, когда поют Херувимскую, следует замереть. А вот почему? Зачем? Мне бы очень хотелось, чтобы вы почаще задавали себе этот вопрос.

Приходя на богослужение, почти никто не понимает смысл праздничного тропаря, да и многие другие слова остаются непонятыми. Такого ни в коем случае быть не должно! Разумеется, в Церкви присутствует таинственное начало, но ничто не является секретным, не предназначенным для стоящих и молящихся по другую сторону алтарных врат. Выходит, упрек в адрес Православной Церкви, сводящийся к тому, что мы служим «на непонятном языке», во многом справедлив. Если мы этим «православным языком» не владеем, то от него следует отказаться, иначе получается обман, а мы впадаем в фарисейство. Внешняя форма соблюдена, но при этом начисто лишена духовного наполнения.

Почему мы не изменяемся, не растем духовно? По самой простой причине: мы ко многому относимся формально. Надо готовить себя к Литургии, к празднику, чтобы вместе с хором петь величание и тропарь, вместе со всеми призывать: *«Тело Христово примите...»* ,

чтобы это произносилось едиными устами и единым сердцем. Мы же не в театре и не на концерте находимся! Это ведь не для нас поется, а нами воспевается! Мы все – участники этого великого и пренебесного таинства.

Наше непонимание важнейших моментов Литургии очень прискорбно. Я хотел бы призвать всех сделать нашу молитву осмысленной; не молиться Богу незнакомыми словами – мы же с Отцом своим разговариваем – и не счесть за великий труд выяснить, что же эти слова означают.

А значат они вот что: вы, стоящие в храме, те, кто таинственно изображает Херувимов, которые воспевают Трисвятую песнь, должны отложить всякое житейское попечение.

Каждому из нас в это момент предоставляется возможность стоять вместе с Херувимами и Серафимами. Они воспевают: *«Свят, свят, свят...»* – и мы должны слиться с ними в едином ангельском славословии.

В этом таинстве мы являемся действующими лицами, а не зрителями. Мы в сослужении ангельском находимся, и это – кульминация службы, когда мы должны отложить все житейские заботы, всякое житейское попечение.

«Яко да Царя всех подыдем ангельскими невидимо дориносима чинми». Это – отголосок античного или византийского мира. Тогда победителей на руках проносили через триумфальные арки. Мы же должны нести на себе Христа.

* * *

Во время пения Херувимской песни совершается Великий вход. Царь славы, Христос, идет на Крест, потому что Великий вход – это шествие Спасителя на Голгофу: *«Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным»*.

Дьякон совершает каждение алтаря и собравшихся в храме, читая про себя покаянный 50-й псалом, который все мы можем так же читать про себя в этот момент. Высота херувимского призвания каждого из нас приводит наши души в состояние глубочайшего осознания собственного недостойнства.

Не случайно священник перед пением Херувимской отверзает Царские Врата, становится перед Престолом и читает единственную в Литургии молитву, которая не относится ко всем присутствующим, а только к нему самому: *«Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми... приходити, или приблизитися, или служити Тебе, Царю славы; еже бо служити Тебе велико и страшно и самем Небесным Силам...»* Эта молитва посвящена Самому Господу Иисусу Христу, как Архиерею, пред Которым предстоит недостойный клирик, входящий в область страшного священнодействия.

Священник испрашивает прощения у всех сослужащих и прихожан, кадит стоящую на жертвеннике Проскомидию и под пение Херувимской выходит на солею (возвышение перед иконостасом). Он несет святую Проскомидию – Чашу с вином, которой предстоит стать Кровью Христовой, и Дискос с хлебом, который должен соделаться Телом Христовым. На Великом входе совершается особенное поминовение одновременно всей Церкви, потому что как Господь Вседержитель несет весь мир на Своих руках, так и священник, выходящий из алтаря, несет на себе Проскомидию, как образ мира, Церкви и всей вселенной, за которую приносится жертва Христова.

Великий вход олицетворяет Вход Господень в Иерусалим: Иисус идет на Свое страдание. Это победа, которая дается Господу через видимое поражение, это принятие на себя через любовь и смирение всех грехов мира с тем, чтобы этот мир был спасен. Мы таинственно изображаем Херувимов, но мы же одновременно являемся теми, кто распинает Христа. То, что вложил в наши души сатана, понуждает Господа пойти на смерть, поэтому Великий вход для каждого человека – это суд, проверка его жизни, проверка его сопричастности жертве Спасителя.

* * *

Священник входит в алтарь, ставит на Престол Дискос и Чашу, снимая с них покровцы, и читает тропарь Великой Пятницы: *«Благообразный Иосиф...»* – молитву о снятии Господа с Креста, еще раз подчеркивая Голгофский, жертвенный характер Великого входа. На

Престоле Дары снова покрываются воздухом. Дары находились на жертвеннике в память о том, что Христос был спеленут, как младенец, теперь же они напоминают о Его пеленании в святую Плащаницу. Заканчивая каждение, священник молится: *«Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона, и да созиждутся стены Иерусалимския...»*

«Вы, подобные Херувимам, не трепещете ли друг перед другом? Но трепещите, трепещите сильнее! Знаете ли, тут кто? Царь, Христос, ангельские чина служат Ему невидимо... Церковь полна Ангелов, и вы все стоите вперемежку с Ангелами. Господь тут, разве вы не знаете? Он с нами, как обещал. Неужто теперь не отложим житейское попечение? Неужто не забудем о житейской коре, скрывающей Ангела Хранителя для каждого из нас? Пусть спадет перед очами эта пелена. Пусть рухнет стена, отделяющая сердце от сердца. О, какое счастье видеть каждому Херувима в каждом! О, радость навеки! Всякое ныне житейское отложим попечение. Всякое...»

Отец Павел Флоренский

Символ веры

Заканчивается Великий вход, закрываются Царские Врата, задергивается завеса. Просительной ектеньей Церковь начинает готовить молящихся к совершению Таинства Евхаристии: *«О предложенных честных Дарех Господу помолимся»*.

В это время священник тайно читает молитву приношения, прося принять это жертву. *«...И сподоби нас обрести благодать пред Тобою, еже быти Тебе благоприятней жертве нашей, и вселитися Духу благодати Твоя благому в нас, и на предлежащих Дарех сих, и на всех людех Твоих»*.

* * *

Дьякон возглашает: *«Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы...»* Раньше после этих возгласов христиане в знак веры, любви и единомыслия лобызали друг друга. Этот обычай до сих пор сохранился среди священнослужителей. Все они целуют Дискос, Потир (от древнегреческого *потѣр* – «чаша, кубок»), Престол и друг друга со словами: «Христос посреди нас», – и отвечают: «И есть и будет».

Дьякон возглашает: *«Двери, двери, премудростию вонмем!»*. В древней Церкви возглас *«Двери, двери...»* относился к привратникам, стоявшим у дверей храма, и призывал их внимательно наблюдать за входом и не впускать оглашенных или кающихся, то есть тех, кто не имел права присутствовать при совершении Таинства святого Причастия.

* * *

Когда мы поем Символ веры, мы ни о чем не просим, не каемся в своих грехах. Мы приносим обеты и клятвы.

Впервые мы поем Символ веры, принимая святое крещение. После вопроса священника о нашей вере, мы даем первую клятву верности, после чего и читается Символ веры. Каждое утро, просыпаясь, мы вновь клянемся Богу в верности, в том, что проживем этот день, как православные христиане.

Это – клятва, запечатленная самой Литургией, Мы поем Символ веры все вместе, едиными устами исповедуя нашу веру, для того, чтобы этой верой жить, чтобы эта вера познавалась по плодам, чтобы по этой вере люди нас узнавали.

Символ веры еще раз напоминает о том, что если мы считаем себя православными, то Православие наше должно восприниматься нами исключительно как путь, который мы выбрали и по которому идем, но отнюдь не как свершившийся факт. Это возможность, но далеко не данность.

Православие – не просто некая совокупность единомышленников, пытающихся утвердить свою веру за счет других, желающих везде быть первыми. Единственное, о чем нас спросит Господь: любили ли мы друг друга? Это истинный критерий нашей православности, потому что Бог и есть Любовь, совершенно недостижимая и недоступная

людям, но которая во Христе стала достижимой и доступной для нас. Не схоластическое знание догматов, а настоящая, живая вера дает нам возможность познать Бога, а значит, и любить друг друга по-настоящему.

Жизнь Христова – это жизнь Церкви, потому что Он – Богочеловек, а Церковь – богочеловеческий организм. *«Церковь – организм любви»*, – говорил богослов и публицист А. С. Хомяков. Человек, вступающий в Церковь и становящийся частью этого организма, непостижимым, мистическим, сверхъестественным образом к этой любви приобщается. Слова: *«Возлюбим друг друга...»* – не только обращенный к нам призыв, – это исповедание нашей веры, ее провозглашение, ее явление миру. Истинная любовь может быть только деятельной. Умозрительной любви не бывает.

Смысл церковного единения состоит в том, чтобы в мире не осталось ни одного чужого для нас человека. Даже находясь в Церкви среди единомышленников, мы по большому счету их не любим. Мы стараемся избегать людей, к которым испытываем неприязнь. А вот архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) писал: *«Нежелание видеть какого-то человека очень похоже на приказ его расстрелять»*.

Как же в таком случае мы представляем себе Царствие Божие? Ведь там не будет возможности кого-то не видеть, от кого-то уйти, от кого-то спрятаться. Но если мы на земле кого-то считаем чужим, то как мы с ним увидимся в Царствии Небесном? Как ему в глаза там посмотрим, если здесь он для нас был чужим? Надо эту отчужденность преодолеть в себе.

Если мы, называя себя православными, не любим друг друга, а следовательно, и Бога, значит мы – еретики. Можно, оказывается, быть еретиком, формально оставаясь в лоне Православной Церкви.

На Литургии возглашается: *«Возлюбим друг друга да единомыслием исповеваем Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосушную и Нераздельную»*, – потому что любить друг друга и исповедовать Святую Троицу – это одно и то же. Если у нас нет любви, то исповедования Святой Троицы у нас тоже нет. И, наоборот, если нет у нас правоверия, то и любви настоящей тоже быть не может, хотя нам известны примеры, когда люди, не будучи православными, подвигом веры и любви достигали истинного православия. Стоит вспомнить хотя бы католика Ф. П. Гааза (1780–1853) – русского врача немецкого происхождения, филантропа, известного под именем «святой доктор», не устававшего повторять: «Спешите делать добро!», или полковника Русской императорской армии, камер-лакея (камердинера) последнего российского императора Николая II А. Е. Труппа (1856–1918) – латыша, который, оставаясь католиком, пострадал вместе с царской семьей, жертвенно приняв на себя всю меру страданий, как истинный православный.

Мы не потому православные, что смогли сохранить догматы святой веры неповрежденными, а потому, что Господь даровал нам возможность через истинное богопознание, не искаженное человеческим недомыслием, ложью или гордыней, воспринять всю полноту любви. Догматы даны нам лишь с одной целью: для того, чтобы мы научились любить.

Евхаристический канон

Во второй, важнейшей части Литургии верных происходит само совершение Таинства.

Призыв дьякона: *«Станем добре, станем со страхом, святое возношение в мире приносим»* подвигает всех к самой главной евхаристической молитве, которая называется Анафора. Древнегреческое слово «ἀναφορά» в данном случае можно перевести как «возношение».

«Станем добре, станем со страхом, вонмем Святое Возношение в мире приносим ...» Это еще не молитва, а призыв, возглашаемый дьяконом. В ответ на него хор от лица всех молящихся выражает готовность к Святому Возношению и поет: *«Милость мира,*

жертву хваления» – то есть будем возносить Бескровную Жертву (Святую Евхаристию), которая является великой милостью Божией, дарованной нам вследствие нашего примирения (мира) с Господом, и состоящую из благодарного прославления (хваления) Бога. Священник, обращаясь лицом к народу, благословляет его и произносит: *«Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога Отца, и причастие Святаго Духа буди со всеми вами»*. Хор, то есть весь народ, отвечает ему: *«И со духом твоим»*.

Звучит призыв: *«Горé имеем сердца!»*. В этот момент наши сердца должны быть устремленными ввысь, как возносящийся к небу огонь. Мы отвечаем: *«Имамы ко Господу»*, – то есть наши сердца горят и обращены к Богу.

* * *

Анафора центральная, древнейшая часть христианской Литургии. Во время Анафоры происходит преложение или пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. Она начинается со слов: *«Благодарим Господа»*. Хор поет: *«Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней»*. Это сокращенное содержание начала евхаристической молитвы. Священник молится в алтаре: *«Достойно и праведно Тя пети, Тя благословити, Тя хвалити, Тя благодарити, Тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего»*.

Примерно с конца VI века молитвы, которые прежде священник произносил вслух, стали недоступны для прихожан, молящихся вне алтаря. Хор, являя собой образ народа Божия, стал петь только некоторые части этой молитвы.

Может сложиться впечатление, что священник читает несколько молитв, разделенных возгласами, после которых хор начинает петь те или иные песнопения. На самом деле молитва Анафоры, не прекращаясь, продолжается вплоть до Пресуществления Святых Таин.

То, что иерей тихо читает молитву Анафоры в алтаре, конечно же, обедняет наше восприятие Евхаристии. С другой стороны, она ушла из всенародной молитвенной практики отнюдь не «по прихоти священноначалия, стремящегося отделить народ от клира», но, скорее всего, именно потому, что сама духовная жизнь оскудела, и прихожане попросту не готовы к такому молитвенному напряжению. К тому времени многие уже не причащались на каждой Литургии – это перестало быть для людей насущной необходимостью в отличие от первых веков христианства. Священническая молитва пытается объединить всех в единое целое, но многие не готовы сегодня разделить эту радость со всеми, а значит, и смысл общей молитвы пропадает. Она в качестве особого священнического служения переходит в алтарь, где клирики, стоя у Престола, причащаются всегда. Хор же поет отдельные фрагменты евхаристического канона, который все-таки собирает людей на общую молитву и на общее служение Литургии.

Идеал все более отдаляется от реальной жизни. Со временем это укореняется настолько, что люди перестают воспринимать нечто высшее: общее служение, общую молитву, общее приобщение Святых Таин Христовых.

Я не знаю, можно ли изменить сложившуюся ситуацию. Это произойдет лишь в том случае, если у народа вновь появится потребность в общем причащении, в постоянном служении Литургии и в общей молитве. Изменения определяются уровнем общецерковного сознания, а не какими-то акциями и нововведениями, потому что в Литургии все очень живо и осмысленно.

Как только у христиан возникает новая духовная потребность, сама Церковь вдруг обновляется. Она получает иные возможности, каждый раз по-новому свидетельствуя о Христе. Если евхаристическая жизнь затухает, то и церковная жизнь формализуется, становясь уставной, законнической и исключительно внешней. Ведь духовность человека определяется только Литургией и никак иначе. В истоке всей аскетики, всего богословия, всей нравственности, равно как и всей жизни Церкви лежит Божественная Литургия.

Уровень духовной жизни людей определяется тем, как служится Литургия, как они причащаются. Как живет Церковь, так служится и Литургия. Понятия «Церковь» и «Литургия», по сути, тождественны. Церковь – это Литургия, а Литургия олицетворяет собой

Церковь.

* * *

«Достойно и праведно Тя пети, Тя благословити, Тя хвалити, Тя благодарити, Тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего: Ты бо еси Бог Неизречен, Недоведомъ, Невидимъ, Непостижимъ, присно Сый, такожде Сый, Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святый» .

В первой части Анафоры священник исповедует богословие апофатическое (от греческого слова апофатикос – «отрицающий»). Речь идет о богословском методе, заключающемся в выражении сущности Божественного путем последовательного отрицания всех возможных Его определений как несоизмеримых Ему, в познании Бога через понимание того, кем Он не является. Действительно, мы можем выразить свое представление о Господе только иносказательно, ведь Бог настолько непостижим, что человеческая речь не в силах передать верное определение его Сущности. Допустим, скажешь о Боге, что Он есть Свет, и этого будет явно недостаточно, скажешь, что Он – воплощенная Любовь и Милость, и тоже не охарактеризуешь свое представление о Нем. Разумеется, все это верно, но лишь в какой-то бесконечно малой степени, ведь речь идет только о наших представлениях о любви, милосердии, свете и добре. Все наши определения в любом случае окажутся недостаточными, ущербными, убогими, не говорящими о Господе практически ничего.

О Боге мы можем сказать лишь то, что Он неведом, непостижим, неизвестен и неизречен. Именно с этих слов мы и начинаем свое благодарение. Даже истинное значения Имени, которое Он открывает нам: «Я – Сущий», мало о чем говорит нам, потому что наша жизнь ущербна и неизбежно рано или поздно заканчивается смертью. Нет в нас по-настоящему самодовлеющей жизни. Даже когда мы повторяем, что Он – Сущий, мы не в силах понять, что это означает на самом деле.

* * *

«... Присно Сый, такожде Сый, Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой, Святый; Ты от небытия в бытие нас привел еси, и отпадшия возставил еси паки, и не отступил еси, вся творя, дондеже нас на Небо возвел еси, и Царство Твое даровал еси будущее» .

Воскресение Христово – новый акт творения мира, акт творения новой твари. Господь сначала нас создал, приведя в бытие из небытия. Казалось бы: совершенно непостижимый акт творения, потому что осознать это человек не может. Мы это даже и не пробуем это понять, просто принимаем, как написано.

Но, когда мы уже существуем, Господь творит нас заново. Своим Воскресением Он новотворит мир, вновь все сотворяет через Церковь Свою. Все ветхое ушло, а настоящее только начинается. Созидается новая тварь во Христе, и мы ежеминутно являемся участниками этого творения в постоянном общении с Богом.

* * *

«...И не отступил еси, вся творя, дондеже нас на Небо возвел еси, и Царство Твое даровал еси будущее» .

В этой удивительной молитве мы сталкиваемся с тем, что прошлое, настоящее и будущее сливается в единое время. Мы начинаем ощущать себя таким образом и говорить так, как будто уже находимся не здесь, на земле, а в Царствии Небесном. Именно **оттуда** мы благодарим Господа не только за то, что Он нас создал, не только за то, что Он спас нас, но и за то, что возвел нас на небо и даровал нам Свое Царство.

Мы вторгаемся в Вечность, которая уже наступила. Речь идет об общении с Богом в Царствии Небесном, потому что Он все это уже нам даровал. Все это с нами уже совершилось, и нам остается лишь протянуть руку и принять дарованное. Вопрос состоит лишь в том, действительно ли мы хотим этого? Хотим ли мы принять от Христа уже дарованное нам спасение? Ведь дар вечной жизни – нелегкая ноша, его придется принять, как крест, и никак не иначе...

Безмерна тяжесть спасения, человек может под ней и согнуться. Но каждая Евхаристия призывает нас решить: стремимся мы к спасению или нет? Хотим мы этот дар на себе

понести, как величайшую тяжесть и одновременно как абсолютную благодать, или предпочтем отойти в сторонку? Войти в Царствие Небесное можно только через Церковь, которую сотворил Господь, через Его язвы, через ребро пронзенное...

Литургия, в которой мы с вами участвуем – непрерывная цепь дерзновенных прикосновений к телу Христову. Так же, как и апостол Фома, мы то и дело «испытываем» Спасителя, влагая персты в Его раны.

* * *

«О сих всех благодарим Тя, и Единороднаго Твоего Сына, и Духа Твоего Святаго, о всех, ихже вемы и ихже не вемы, явленных и неявленных благодеяний, бывших на нас. Благодарим Тя и о службе сей, юже от рук наших прияти изволил еси, аще и предстоят Тебе тысячи Архангелов и тьмы Ангелов, Херувими и Серафими, шестикрылатии, многоочитии, возвышающиися пернатии».

Мы благодарим за эту службу, как за дар, который Господь принимает от нас, недостойных, хотя Его в этот момент славят Архангелы и Ангелы, Херувимы и Серафимы – шестикрылатые, многоочитые, возвышающиеся, пернатые... Верующие же поют Ему ту самую песнь, под звуки которой Он входил когда-то в Иерусалим: *«Осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне»*, – и их ликующее пение соединяется с ангельским славословием.

Господь грядет! Так же и мы грядем в небесный Иерусалим через принятие Божиего дара, через постоянное стремление быть вместе со Христом – в Его смерти и Воскресении, в Его восхождении на Небо, в Его сидении одесную Отца. Вот главное чувство, которое должно переполнять душу каждого христианина: *«Хочу спастись! Хочу следовать путем спасения! Хочу этот незаслуженный, безмерный и неподъемный дар понести на себе, потому что только так можно войти в общение со Христом!»* Лишь тогда этот дар станет тем благим игом и легким бременем, о котором говорил нам Господь.

* * *

Священник: *«Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще».*

Хор: *«Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь Небо и земля славы Твоя; осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне, осанна в вышних».*

Иерей продолжает чтение евхаристической молитвы:

«С сими и мы блаженными Силами, Владыко Человеколюбче, вопием и глаголем: Свят еси и Пресвят, Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святой. Свят еси и Пресвят, и великолепна слава Твоя; Иже мир Твой тако возлюбил еси, якоже Сына Твоего Единороднаго дати, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать Жизнь Вечный. Иже пришед, и все еже о нас смотрение исполнив, в ночь, в нюже предаешися, паче же Сам Себе предаеши за мирский живот, прием хлеб во святых Своих и пречистых и непорочных рук, благодарив и благословив, освятив, преломив, даде святым Своим учеником и апостолом, рек ...»

Молитва, содержащаяся в Литургии Василия Великого, раскрывает глубинный смысл евхаристической Жертвы, объясняет, во имя чего она приносится и для чего происходит умаление Христово.

Когда же начинается умаление Сына Божиего, или кенозис (от греческого κένωσις – «опустошение», «истощение»)? Господь уже ограничил и умалил Себя сказав: *«Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему»* (Быт. 1: 26). По мнению святых Отцов Церкви, сотворение человека было предвестием воплощения Сына Божия и принесения Им искупительной крестной жертвы.

В молитве, входящей в Литургию Василия Великого, говорится об истощении, о том, что *«персть взял от земли, и, образом Твоим, Боже, почит, положил еси в раи сладости...»*, то есть жертва уже приносится. Бог Себя ограничивает присутствием на земле Своего образа и подобия, одаренного бессмертием и свободной волей. Ради него-то и совершается великая жертва. Впрочем, не только ради него...

«Хотя бо изыти на вольную и приснопамятную и животворящую Свою смерть, в

ночь, в нюже предавши Себе за живот мира...» Жертва приносится за жизнь мира. Этой жертвой объемлется все, что Бог сотворил. Но, по сути, весь этот мир сотворен только ради человека. Он существует постольку, поскольку существует человек. Этот мир изначально устроен таким образом, чтобы нам в нем мире жилось хорошо и счастливо. Богословы утверждают: мир антропоморфен, то есть ориентирован на человека. Однако, когда человек согрешает, этот мир искажается, портится, подвергается тлению. Царствие Небесное, исполнение полноты времен, когда Бог будет «всяческая во всем», может наступить только через человека.

** * **

«Примите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов» .

Эта часть евхаристической молитвы заканчивается установительными словами, учреждающими само Таинство Евхаристии, по поводу которых велось немало споров.

Во время совершения Тайной Вечери Господом именно этими словами Христос обычный хлеб и обычное вино соделал Своим Телом и Своею Кровью. Это и послужило их буквальному пониманию Западной Церковью. В Русской Церкви тоже шел спор о том, когда же, собственно говоря, происходит пресуществление святых Христовых Таин, когда совершается тайна преложения хлеба и вина.

В нашей стране богословие не развивалось очень долго: из-за нашествия татаро-монголов и разрозненности русских земель духовного обучения практически не велось. Богословское образование могла дать только западная часть Церкви, находившаяся в Киевской митрополии, которая сначала находилась под властью литовских князей, а затем и Польши. В 1631 году архимандрит, а впоследствии митрополит, Петр (Могила) основал в Киеве высшее училище «для преподавания свободных наук на греческом, славянском и латинском языках» – духовную академию, подверженную католическому влиянию.

Славянских юношей посылали учиться на Запад в римско-католические школы. Тамошнему обучению был присущ схоластический характер, и наше богословие до сих пор носит на себе его следы. Тогда делалось так: православные принимали униатство для того, чтобы получить образование, а возвращаясь на родину, каялись и вновь становились православными и таким образом приносили с собой некую ученость.

Многие дисциплины в Киевской академии преподавались на латыни, осуществлялись многочисленные переводы католической литературы. Другой литературы в то время попросту не было, и преподаватели стремились придать ей более или менее православный дух. Инструмент критики католицизма они заимствовали у протестантов: протестантской аргументацией они опровергали аргументацию католическую. В результате, очень многое было серьезно искажено. Тогда считалось, что это и есть Православие...

Поскольку наиболее образованные клирики служили именно в Киевской митрополии, то после объединения России с Украиной и образования единой Церкви под омофором Московского патриарха в 1686 году, ученых людей для назначения на архиерейские кафедры набирали именно там. Одним из таких архиереев был святитель Димитрий Ростовский (1651–1709).

В те времена возникли споры о пресуществлении Святых Даров, отголоски которых не утихают до сих пор. При этом вспоминаются слова, которыми Господь установил Тайную Вечерю, само Таинство Евхаристии, когда Он взял чашу на пасхальной трапезе и благословил вино и хлеб и, разломив его, благословил и раздал ученикам и сказал такие слова.

Католики полагают, что именно эти слова являются тайносовершительной формулой, претворяющей хлеб и вино в Тело и Кровь Христову. Именно в этот момент они благословляют Чашу и Хлеб. В католическом сознании священник является своего рода «заместителем» Христа, его руками и осуществляется Евхаристия. Но Христа никто собой заменить не может, да это и не нужно! Он, Он никуда не уходил, хотя Он и находится со Своим Отцом и Святым Духом в Святой Троице и в Царствии Небесном. Господь пребывает с нами до скончания века.

Православная Литургия всем своим строем указывает на то, что является главным. В нашем сознании священник – не «заместитель Христа» на Литургии, он – предводитель народа Божиего и не более того. Поэтому во время Литургии он не совершает ничего сам, священник – предстоятель перед Богом, умоляющий Его совершить эту тайну. Призывая: *«Приидите, ядите...»*, – он вспоминает, как Христос на Тайной Вечере произносил эти слова.

Только после этого совершается одно из важнейших литургических действий. Кульминационным моментом непрерывающейся евхаристической молитвы является эпиклеза (латинского слова *epiclesis* и греческого *ἐπίκλησις* – «призывание»)).

Священник читает про себя: *«Поминающе убо спасительную сию заповедь, и вся, яже о нас бывшая: Крест, Гроб, тридневное воскресение, на небеса восхождение, одесную седение, Второе и славное паки пришествие»* и произносит вслух: *«Твоя от Твоих Тебе приносяще от всех и за вся»*.

После установительных слов иерей молится, вспоминая эти события, как уже совершившиеся в вечности. Вспоминает он и Второе пришествие: ведь как мы уже говорили, Литургия для нас – это пребывание в вечности, это – обретение Царствия Небесного, это – жизнь будущего века, к которой мы приобщаемся.

В нас соединяются несоединимые, не вмещающиеся в человеческое сознание категории – прошедшее, настоящее и будущее. Мы живем то прошедшим, то будущим, вспоминаем или мечтаем, настоящее же время зачастую проходит мимо нас. А Царствие Небесное – и есть настоящее время, и оно встречается с нами именно на Божественной Литургии. Мы приобщаемся к настоящему, мы настоящими становимся, благодаря тому, что Господь Сущий, то есть Настоящий в Своем абсолюте, дает нам возможность приобщиться к Его Сущности, причащаясь Его Телу и Крови. Несмотря на то, что мы еще остаемся смертными, «временными», мы уже соприкоснулись с вечностью.

Мы уже находимся совсем в другом мире, вспоминая о смертельной опасности, которой чудесным образом избежали. На Литургии мы вспоминаем это спасительное Таинство, Крест, Гроб, Воскресение, одесную седение и Второе пришествие, как будто уже пребывая в Царствии Небесном.

* * *

Вслед за возношением Святых Даров совершается их преложение. Святой Дух призывается на предложенные Дары – хлеб и вино, – и происходит их преложение в Тело и Кровь Христовы.

Иерей берет в руки Святые Дары и, вознося их над Престолом, возглашает: *«Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся»*.

Что же приносит священник «Твоя от Твоих»? Речь идет о принесении Проскомидии. Вы помните, что на Дискосе символически изображены Агнец, Матерь Божия, Церковь, святые апостолы, все святые, все живые и мертвые, окружающие Господа. Дискос, как образ самой вселенной, как образ самой Церкви, возносится ко Христу: *«Твое мы Тебе приносим, от тех, кто Тебе принадлежит, за всех и за все»*. И Литургия, и Проскомидия совершаются не только в память о живых и мертвых, не просто как моление о нашей земле, но за весь мир, за всю вселенную, за все, что Господь сотворил.

Мы пришли сюда и все, что могли, принесли Тебе. Все, что у нас есть, принадлежит Богу. Мы принесли Тебе Твое. Хлеб – Твой. Вода – Твоя. Вино – Твое. Ничего своего у меня нет. Все – Твое. И я – Твой...

Путь Церкви восходящей ко Христу, это путь крестный. Священник скрещивает руки, вознося перед молитвой эпиклезы Святые Дары на Престол. Вот путь каждого и всех нас вместе: принесение себя вместе со всеми за других, от всех и за вся – Богу. Это – путь восхождения и крестоношения, единственный путь ко Христу, ведущий к жизни вечной.

* * *

Этот момент является началом молитвы эпиклезы, кульминационной части молитвы Анафоры, в которой совершается призывание Святого Духа на предложенные Дары – хлеб и

вино, и преложение их в Тело и Кровь Христовы.

Хор поет: *«Тебе поем, Тебе благословим»*, а священник читает молитву призывания Духа Святого на Дары: *«Еще приносим Ти словесную сию и безкровную службу, и просим, и молим, и мили ся деим, низпосли Духа Твоего Святаго на ны, и на предлежащая Дары сия»*.

Это очень короткая молитва, которая не слышна нами, потому что в этот момент поет хор, но во время этой величайшей молитвы Святые Дары претворяются в Тело и Кровь Христовы.

Обратите внимание: мы просим послать Духа Святого на нас и на Дары. Мы просим всех нас сделать Телом Христовым, молим о том, чтобы все мы, в храме предстоящие, весь народ Божий, вся Церковь стали Телом Господним.

Благодатное сошествие Духа Святого не может обойти нас. Не только заранее приготовленные хлеб и вино, но все мы, участвующие в Литургии, в данный момент – Евхаристия. На каждого из нас сходит благодать Духа Святого, претворяя нас в Тело Христово.

Именно поэтому каждому участвующему в Литургии православному христианину необходимо причащаться Святых Христовых Таин. В противном случае все литургические молитвы для нас обесмысливаются. Посудите сами: вот мы стоим во время евхаристического канона, все молятся о том, чтобы Дух Святой сошел на нас, и Господь нам Его посылает, а мы отказываемся Его принять! Мы оказываемся в каком-то странном, двусмысленном положении, сначала молясь о Дарах, а потом от Них отворачиваясь.

* * *

Значение епиклезы подчеркивает особое молитвословие, которое не было включено в Литургию ни Василием Великим, ни Иоанном Златоустом, а является поздним привнесением. Я имею в виду тропарь Третьего часа на призывание Святого Духа: *«Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим низпославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас, молящих ти ся»*.

Тропарь не является частью евхаристической молитвы; он был внесен в качестве еще одного подтверждения того, что преложение Святых Даров происходит не в момент призыва Иисуса, а в момент призывания Святого Духа. Дух Святой совершает это Таинство, это Он прелагает хлеб и вино в Тело и Кровь Христовы.

Иерей воздевает руки и трижды читает: *«Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми от мене»*.

К сожалению, тропарь прерывает священническую молитву, поэтому во многих Поместных Церквях он читается до молитвы епиклезы.

После этого дьякон, указывая на Святые Дары, возносит мольбу: *«Благослови, владыко, Святый хлеб»*. Священник, продолжая молитву епиклезы, произносит, указывая на Агнца: *«Сотвори убо Хлеб сей Честное Тело Христа Твоего. Аминь»*. Дьякон отвечает: *«Аминь»* от лица всей Церкви.

Потом дьякон указывает на Потир со словами: *«Благослови, владыко, Святую Чашу»*. Священник добавляет: *«А еже в Чаши сей Честную Кровь Христа Твоего»*. Дьякон, а вместе с ним и все люди, отвечают: *«Аминь»*.

Дьякон указывает сначала на Дискос, а потом на Чашу: *«Благослови, владыко обоя»*. Иерей, благословляя хлеб и вино, произносит: *«Преложив Духом Твоим Святым»*.

Дьякон и священник творят поклоны перед Престолом и трижды повторяют: *«Аминь»*.

* * *

Евхаристическая молитва возносится к Богу Отцу. Именно к Нему обращается Церковь, а Церковь – это Тело Христово. Как сказал преподобный Иустин Попович, *«Церковь – это Господь наш Иисус Христос»*. Это – Богочеловеческий организм, и раз Богочеловек обращается к Богу, то он обращается, как Нему как к Отцу. Когда мы просим: *«Низпосли Духа Твоего Святаго...»*, – мы все обращаемся к Богу Отцу. В это время и совершается это сотворение Плоти и Крови Христовых, как некое новотворение мира.

Священник здесь может только отойти в сторону. Он благословляет это действие, но Таинство совершается только потому, что Господь слышит Свою Церковь. Мы взываем: *«Сотвори убо Хлеб Сей честное Тело Христа Твоего... приложив Духом Твоим Святым»*, потому что Бог посылает Дух Свой, чтобы хлеб и вино стало Телом и Кровью Христовыми.

Наступила кульминация Евхаристической молитвы, которая, к величайшему сожалению, для многих из нас остается почти незамеченной, ведь мало кто знает о том, что в это время происходит в алтаре. Молитва эта в Православной Церкви творится в тайне, в то время как в Церкви Католической произносится вслух. Очень грустно, что люди, стоящие на Литургии, в самый грандиозный ее момент не участвуют в ней своим сердцем, своей молитвой. Вся Церковь должна повторить громко: «Аминь, Аминь, Аминь!», – когда это возглашает дьякон за всю Церковь. «Аминь!» – наше принятие того, что творит Господь. Это – наше общее с Богом дело, по-гречески называемое Литургией.

* * *

Сразу же после молитвы призывания священник молится: *«Якоже быти причащающимся в трезвение душ, во оставление грехов, в приобщение Святаго Твоего Духа, во исполнение Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд, или во осуждение»*.

Особенно проникновенно звучит эта молитва в Литургии Василия Великого: *«Нас же всех, от единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг ко другу во единого Духа Святаго причастие...»*

Священник ходатайствует пред Господом о живых и мертвых: *«Еще приносим Ти словесную сию службу, о иже в вере почивших праотцех, отцех, патриарсех, пророцех, апостолах, проповедницех, евангелистех, мученицех, исповедницех, воздержницех, и о всяком душе праведнем в вере скончавшемся»*.

Молитва, начинавшаяся со слов: *«Достойно есть...»*, заканчивается церковным ходатайством обо всем мире, в которое включены все его потребности, все живущие в нем люди. Эта молитва Церкви перед Телом и Кровью Христовой – молитва космическая, она обнимает собой всю вселенную. Как распятие Христово совершилось за жизнь всего мира, так и Евхаристия совершилась Церковью за весь мир.

Мы участвуем в важнейшем поминовении: совершается как бы вторая Проскомидия. Помните, как во время Проскомидии священник перед Агнцем вспоминал всех святых, потом всех живых и всех усопших. Та же молитва повторяется, но уже перед истинными Плотию и Кровью Христовыми. Священник молится о вселенной, обо всем космосе, и мы возвращаемся в проскомидийное поминовение. Литургия вновь приводит нас к самому началу жертвоприношения, потому что опять вспоминается вся Церковь, но Церковь уже осуществленная, как Тело Христово.

Подготовка к причащению

По окончании евхаристической молитвы начинается та часть Литургии верных, во время которой Церковь готовит молящихся к святому Причастию и происходит причащение священнослужителей и мирян.

Звучит просительная ектенья: *«Вся святые помянувшие, паки и паки миром Господу помолимся...»*, сопровождающаяся особыми прошениями. Она духовно настраивает каждого участника Литургии к причащению Святых Христовых Таин и молится о том, чтобы Бог принял нашу жертву, даровал нам благодать Святого Духа и позволил принять этот Дар неосужденно.

Иерей читает: *«Тебе предлагаем живот наш весь и надежду, Владыко Человеколюбче, и просим, и молим, и мили ся деим: сподоби нас причаститися Небесных Твоих и страшных Таин, сея священныя и духовныя трапезы, с чистою совестью, во оставление грехов, в прощение согрешений, во общение Духа Святаго, в наследие Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд или во осуждение»*.

После этого священник просит сподобить нас *«со дерзновением, неосужденно смети призывати»* Отца Небесного.

* * *

«Отче наш» звучит, как молитва евхаристическая. Мы испрашиваем хлеб наш насущный, который во время Евхаристии соделался Телом Христовым. Прихожане, собравшиеся на Литургию, – это человечество, призванное стать Сыном Божиим.

Молитву «Отче наш» Иисус даровал апостолам в ответ на просьбу научить их молиться. Почему же существует много других молитв? Если внимательно присмотреться, все они в той или иной степени являются переложением молитвы Господней, каждая святоотеческая молитва – ее интерпретация. На самом деле мы всегда возносим Богу одну молитву, просто она трансформируется в молитвенном правиле применительно к различным обстоятельствам нашей жизни.

Три составляющих молитвы – покаяние, благодарение и прошение. Молитва «Отче наш» в этом смысле – нечто иное. Разумеется, в ней содержатся просьбы, но просьбы своеобразные: то, о чем чаще всего мы просить забываем. «Отче наш» – это указатель на пути к Богу и мольба о помощи на этом пути. Молитва Господня концентрирует в себе весь христианский мир: в ней все собрано, раскрыт весь смысл христианской жизни, нашей жизни в Боге.

Молитва начинается с двух простых и, казалось бы, совершенно понятных слов: **«Отче наш...»** Мы привыкли считать себя детьми Божиими. Но одно дело знать, что Господь называет Себя нашим Отцом, и совсем другое – соответствовать этим отношениям. По большому счету Бога может назвать Отцом только Его Сын – вторая ипостась Святой Троицы. Поэтому, когда Иисус учит этой молитве Своих учеников, происходит беспредельное возвышение человечества. Бог ставит человека рядом с Собой, возводит его на недостижимо высокий уровень. Сын Божий и мы обращаемся к Богу Отцу одними и теми же словами. Это трудно даже осознать человеку...

Блудный сын, возвращаясь к отцу, хочет быть принятым как наемник, но отец не дает ему договорить. Господу не нужны ни рабы, ни наемники – только сыновья могут быть по-настоящему близки Ему. Прося что-либо у Бога, мы часто обращаемся к Нему, как чужие: либо как подчиненные к начальнику, либо как неимущие к богачу, который может выделить что-то от своих щедрот, либо как к великому неизвестному и неисследованному источнику благодати, исцелений и чудес – безличному, неузнаваемому, совсем незнакомому нам. Наша душа чувствует, что Бог настолько далек, настолько непознаваем и настолько велик, что употребить по отношению к Нему местоимение «Ты», как в молитве, немыслимо. Такое становится возможным, только если Он по-настоящему близок. Мы же, к сожалению, далеко не всегда жаждем этого сыновства, не стремимся к нему, а порой и боимся его. Гораздо удобнее относиться к Богу, как к отстраненному всемогущему Существу, непознаваемому и неизреченному. Но если Он – Отец, значит, нам все же дарована возможность познать Его, иначе молитва обесмысливается.

Ищите и обрящите. Но стремление к богопознанию должно быть непрерывным, а не проявляться лишь время от времени. Достичь его можно только через Христа, только через Святую Церковь, только через Таинства, только посредством духовного подвига. Так Сын Божий искупает Человечество и делает его сопричастным Божеству через распятие, крестную смерть и Воскресение.

На самом деле сыновство есть в каждом из нас, как образ и подобие Божие. Нам не нужно искать его где-то вовне, в каких-то книгах или учебниках. При этом нельзя упускать из виду, что если Бог, который есть Любовь, – наш Отец, то все мы должны быть близки друг к другу, желанны друг другу. Поодиночке, друг без друга мы не состоимся, как дети Божии.

Господь изначально создал человечество как Церковь. *«Нехорошо человеку быть одному, – сказал Он, – сотворим помощника, подобного ему»* (Тов. 8: 6). Творя Еву из ребра Адама, Господь не только являет образ супружества, но прежде всего образ Церкви. Из Адама изымается некая часть, он становится неполным, но и ведь Ева без Адама не полна.

Плоть должна быть едина, а единое тело во Христе – это Церковь. Человечество не может быть полным, пока люди не соединятся друг с другом во Христе, пока не восполнят собой друг друга. Заповедь: *«Возлюби ближнего твоего, как самого себя»* (Мф. 22: 39) – призывает человечество пребывать в любви. Не может ощутить полноту бытия человек, замкнутый на себе, отравленный себялюбием и эгоизмом. Он уничтожает себя, отказывая в полноте и себе, и другим. Полнота, заключенная в слове «наш», позволяет всем нам составлять Церковь и вместе спастись.

«Иже еси не небесех...» В заповедях Божиих постоянно подчеркивается: Господь не имеет общего ни с чем материальным. Сказано: *«Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой»* (Исх. 20: 4–5). Почему же в молитве говорится о небесах? Мы знаем о Боге не только то, что Он вездесущ, но и то, что Он всеобъемлющ. Неслучайно мы говорим: «Вседержитель». Древними иудеями Бог воспринимался, прежде всего, как Отец иудеев – народа богоизбранного. Это характерно для всех, кто исповедует свою веру как веру настоящую, истинно православную. Но когда мы говорим: «Сущий на небесах», – мы исповедуем всеобъемлющее Божие отцовство.

Наше исповедание заключается именно в том, что мы признаем Бога Отцом всех людей, так как Он пребывает на небесах. Имеются в виду, конечно, не небеса, состоящие из определенных слоев атмосферы, безвоздушного пространства и скоплений звезд, а мир духовный, мир невидимый, мир всеобъемлющий. Отцовство, заключенное в Боге, покрывает собой все Его творение. В этом мире нет ничего, что не было бы покрыто Его Божественной любовью.

Всякое существо, сотворенное Господом, всякий человек – дитя Божие, а не только мы – «род избранный», «царственное священство», как привыкли думать о себе православные христиане. Древний учитель Церкви Тертуллиан (155/165 – 220/240) говорил: «Душа по природе своей – христианка». Это значит, что всякий человек, в какой бы точке земного шара он ни родился, к какой бы культуре и к какой бы эпохе не принадлежал, появляется на свет, прежде всего, для того, чтобы стать христианином и познать в Боге своего Отца. Нет для Господа никого, кто был бы Ему чужд и лишен Его отцовства. Это следует помнить каждому из нас, потому что таков Промысл Божий о мире.

«Да святится Имя Твое...» Открывая Свое имя Моисею, Господь сказал: *«Я есмь Сущий»* (Исх. 3: 14), то есть, «Я – Тот, Кто существует». Речь идет о том, что поистине настоящим является только Сам Бог, а все остальное – относительно и существует лишь постольку, поскольку есть Он. Господь никоим образом не может быть до конца определен и описан. Непознаваемо и Его имя, в котором заключена Божественная сущность, даже то, которое Он счел возможным открыть людям, – Яхве или, как оно приведено в синодальной Библии – Иегова.

Ветхозаветным иудеям запрещалось произносить имя Божие. Только раз в году, во время принесения пасхальной жертвы, когда священник окроплял кровью Святая Святых, он произносил Его вслух, а все остальное время употреблялись слова «Господь», «Вседержитель» или «Саваоф», характеризующие отдельные свойства Божии, но отнюдь не Его сущность. Существует множество определений такого рода, но истинного имени Божиего мы не узнаем никогда. Имя является непостижимым, и мы лишь просим о том, чтобы оно свяtilось.

Однако, молясь во время Тайной Вечери, Иисус говорит: *«Я открыл имя Твое человеку»* (Ин. 17: 6). Что за имя Христос открыл людям? Он отрыл нам Себя, потому что, как сказал Он Сам: *«Все Мое Твое, и Твое Мое»* (Ин. 17: 10).

Познание имени Божиего – это познание Самого Бога, и имя, которое Господь открыл человеку, дает нам такую возможность: Бог познается через Своего Сына. Но познание Бога кроется не в количестве употребляемых нами богословских определений, не в постижении каких-то глубоких истин. Настоящее познание заключается в единении с Ним.

Первое единение со Христом, которое дарует нам Господь, это святое Крещение, при

котором читается молитва на наречение имени: «Да будет имя Твое неотреченно на нем». Имя Божие нарекается нам, и никакое другое. Христос не боится доверять нам Свое имя, не опасается того, что мы употребим его во вред. Уже потом человеку дают имя в честь того или иного святого, но оно является лишь дополнением к Божественному имени, к имени христианина.

Мы молимся: «Да святится Имя Твое...», но каким образом мы можем восславить имя Божие? Не кричать же на каждом углу, не писать же аршинными буквами на стенах: «Слава имени Твоему!», чтобы все воочию видели свет, исходящий от Него. Мы молимся о том, чтобы, пока мы живем с этим именем, в нас бы сразу узнавали настоящих христиан, чтобы это имя в нас свяtilось. Идет человек по улице, начинает с кем-то говорить, и все сразу же понимают: перед ними – христианин. Все его поступки – суть проявления и подтверждения его Божественного имени, ведь Имя Божие святится именно нами.

«Да придет Царствие Твое...» Мы призываем Второе пришествие Христово, Страшный суд, победу над злом и поражение антихриста. Мы призываем Господа прийти к нам, потому что остаемся Ему верны и готовы Его встретить. В евхаристической молитве ранних христиан звучали такие слова: «Да придет образ мира сего», – то есть, сделай, Господи, так, чтобы этот мир скорее закончился и наступило бы Твое Царство. Они молились об этом, хотя и прекрасно знали: осуществление их чаяний неизбежно сопряжено с пришествием антихриста, с гонением на христиан, но совершенно этого не боялись, а, наоборот, жаждали, чтобы всякое зло, искажающее мир, поскорее исчезло, и правда Божия воцарилась бы в каждом человеке.

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь...» Обращаясь к Богу с этой просьбой, мы, конечно же, испрашиваем то, что почитаем безусловно необходимым для жизни. В английском переводе молитвы Господней эта строка выглядит так: «Give us this day our daily bread», то есть речь идет о хлебе ежедневном, что придает прошению подчеркнуто бытовой смысл.

Когда мы молим Бога не оставить нас без Своего попечения и подать нам хлеб для пропитания, то под хлебом мы подразумеваем всю совокупность необходимого для жизни. Иисус в Нагорной проповеди наставляет учеников: *«Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело – одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? <...> И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! Итак, не заботьтесь и не говорите: „что нам есть?“ „или что пить?“ или „во что одеться?“ Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»* (Мф. 6: 25–33).

Господь сказал иудеям: *«Я есмь хлеб жизни. Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли; хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира. <...> Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем»* (Ин. 6: 48–56).

Вдумавшись в эти поучения Господни, мы начинаем совершенно по-иному понимать молитву «Отче наш». В ней – не только прошение земных благ; ее настоящий, глубинный смысл раскрывается в словах Священного Писания: *«Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»* (Мф. 4: 4).

В греческом языке есть слово «ипиусиус», одновременно означающее и «насущный»,

то есть необходимый для существования, и «пребывающий над всякой сущностью», надсущностный. Святые Отцы Церкви толкуют прошение о хлебе в глубоком духовном и евхаристическом смысле. Не случайно молитва Господня поется на Литургии перед причащением Святых Христовых Таин: в ней заключено именно прошение евхаристическое. Хлеба жизни мы просим в этой молитве.

«И остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим...» Прости нас так же, как мы прощаем других. Отпусти нам наши прегрешения в той самой степени, в какой мы прощаем долги нашим должникам. Или переверачивая смысл этой молитвы, она звучит так: не прощай, потому что мы не прощаем своих должников.

Мы можем держать строгие посты, регулярно читать утренние и вечерние правила, творить добрые дела, помогать ближним и стремиться угодить Богу во всем, но, как только мы произносим эти слова и оказываемся неспособными кому-то что-то простить, то тут же перечеркиваем все, чего добились с таким трудом. Все сразу обесмысливается и повергается в прах.

Человек думает: да, я грешен, но я могу сделать что-то хорошее, и это покрывает какое-то мое прегрешение. Но, оказывается, единственное, что может оправдать нас, – это не совокупность добрых дел, не щедрость пожертвований, не количество прочитанных молитв, но только наше умение и желание прощать.

Прощать, на самом деле, нелегко. Нередко человек и рад бы простить, да не может. Это – очень сложный духовный процесс. Но Господь, как всегда, милосерд. Он готов принять даже не само прощение, но хотя бы наше намерение, стремление следовать по этому пути. Для нас же главное – не отступать.

«И не введи нас во искушение...» Под словом «искушение» обычно подразумевают, по крайней мере, два различных явления. Прежде всего мы привыкли воспринимать его как некое внешнее давление, толкающее нас на стезю греха, и частенько списываем на искушение то, что является плодом нашей собственной воли, сердца и ума. «Вот ведь какое искушение было!» – повторяем мы в таких случаях.

Это стало дурной присказкой православных христиан. Во всем мы готовы видеть сплошные искушения, но нельзя сбрасывать со счетов и присущее нам стремление жить исключительно для себя, воспринимая окружающих лишь как досадную помеху на этом поприще и пытаясь отыскать в них такие качества, которые оправдывали бы в наших глазах собственное недостойство. В этом проявляется наше глубокое отпадение от Бога, и искушения тут ни при чем.

Впрочем, существуют и истинные искушения. Сатана искушает Господа в пустыне после крещения. Он искушает Его, как человека, ведь Бога искусить нельзя. Человечество до сих пор терзается этими тремя искушениями. Бес говорит Христу, который в течение сорока дней постился и взалкал: *«Скажи, чтобы камни сии сделались хлебами»* (Мф. 4: 3).

Случилось так, что теперь в человеческих силах превратить безжизненное в источник благ. Современный прогресс, который нас питает, и есть, собственно говоря, те камни, которые сделались для нас хлебами. Человек стал великим потребителем. Потребительские права возводятся в ранг новой морали. Люди потребляют друг друга и все вокруг себя.

Господь учит нас, каким образом следует отвечать на это искушение: *«Не хлебом одним будет жить человек»* (Мф. 4: 4). И в Нагорной проповеди Он призывает учеников: *«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»* (Мф. 6: 33).

«Потом берет Его диавол в святой город и ставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: „Ангелам Своим заповедал о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею“. Иисус сказал ему: написано также: „не искушай Господа Бога твоего“» (Мф. 4: 5–7).

И это искушение тоже знакомо каждому из нас. «Смотри, какой мир лежит перед тобою! Давай-ка воспарим! Плюнем на все и пустимся во все тяжкие! Вот она – свобода абсолютная, безграничная! Можно делать все, что захочется! Нет никакой нравственности,

никаких моральных критериев, есть лишь одна свобода. Беда, однако, в том, что за этой свободой, на самом деле, скрывается бездна, на дне которой – неизбежная смерть.

«Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, говорит Ему: всё это дам Тебе, если, нав, поклонись мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф. 4: 8–10).

Оставим прочитанное без комментариев, все и так понятно. К каждому из нас рано или поздно эти три искушения приходят.

Другой смысл слова «искушение» – испытание. Искусным считается человек, достойно прошедший испытания, по-настоящему владеющий своим ремеслом. Переплавку золотоносной породы, кстати говоря, тоже в старину называли искушением.

На этот раз нас искушает уже Бог. Примеры таких искушений мы находим в Священном Писании. В книге Бытия рассказывается о том, как Господь искушал Авраама. У Авраама родился долгожданный сын Исаак. Однажды Бог повелел: принеси своего ребенка в жертву всесожжения. Авраам нагрузил сына вязанкой хвороста, и они начали взбираться на гору, находящуюся неподалеку от Голгофы. По преданию, на этом месте сейчас возвышается мечеть Амара. Исаак постоянно спрашивал: «Куда мы идем? Где же агнец для сожжения?», – не понимая того, что он и есть этот самый агнец. Авраам отвечал: «Господь пошлет». Авраам, которому было обещано от Бога, что именно через Исаака весь его род благословится и умножится, как песок морской, как звезды небесные, идет исполнять волю Божию. Он связывает сына по рукам и ногам, заносит нож для заклания, и тут является Ангел и освобождает Исаака, заменяя его овечкой.

С тех пор Авраама называют отцом верующих, потому что вера его определяется не только знанием о том, что Бог есть и Ему следует приносить жертвы, не только тем, что он беспрекословно исполняет Его повеления, но и тем, что он настолько верит в Бога, что способен совместить в себе совершенно несовместимые вещи, не поколебавшись ни в одном из двух противоположных обетований.

* * *

После того, как отзвучала молитва «Отче наш», которая является последним евхаристическим прошением, иерей читает главопреклоненную молитву: *«Мир всем. Главы ваша Господеви приклоните»* и преподает благословение верным. Прихожане преклоняют головы, а священник молится в алтаре: *«Благодарим Тя, Царю невидимый... Сам, Владыко, с небесе призри на подклонившия Тебе главы своя; не бо подклониша плоти и крови, но Тебе, страшному Богу. Ты убо, Владыко, предлежащая всем нам во благое изравнай, по коегождо своей потребе: плавающим сплавай, путешествующим спутешествуй, недугующия исцели...»*

В этой молитве священник просит Господа о земном, о том, чтобы Он послал по нужде каждого: сопровождал бы плывущих и путешествующих, исцелял больных... Собравшиеся о своих нуждах думать уже не могут, они думают о Боге, а священник ходатайствует, чтобы к этому поиску Царства Небесного и правды его приложилось бы и все остальное ...

Молитва заканчивается возгласом: *«Благодатию, и щедротами, и человеколюбием...»* Хор отвечает: *«Аминь»*. В этот момент принято закрывать завесу Царских Врат. Священник читает молитву на преломление Хлеба и принятие Евхаристии: *«Вонми, Господи...»*, в которой просит Бога о том, чтобы Он преподавал ему и всем служащим с ним, то есть всем, предстоящим в храме, Тело и Кровь Свою: *«И сподоби державною Твоею рукою преподати нам Пречистое Тело Твое и Честную Кровь, и нами всем людям»*.

Стоя перед Святыми Вратами, дьякон крестообразно препоясывается орарем, демонстрируя этим готовность послужить святой Евхаристии, и вместе со священником трижды произносит: *«Боже, очисти мя грешного и помилуй мя»*.

Увидев, что иерей простирал руки к Агнцу, дьякон восклицает: *«Вонмем»*, – то есть будем предельно внимательны. Дьякон призывает молящихся к благоговейному стоянию и входит в алтарь, а священник берет в руки Святой Агнец, возносит его высоко над Дискосом,

и произносит: *«Святая Святым»* .

Алтарь во время причащения священнослужителей становится подобием Сионской горницы, в которой апостолы вместе со своим Учителем приняли Святое Причастие.

* * *

«Святая Святым» – возглас, раздающийся в конце Литургии, прежде чем верующие подойдут к Чаше. Церковь провозглашает, что сейчас Святая будет преподана Святым, то есть каждому из нас.

Важно понимать, что, с одной стороны, всех присутствующих в храме Господь призывает к святости, а с другой – видит в каждом эту святость и каждого уже считает святым, потому что только святым может быть преподано Тело и Кровь Христовы, только святым можно общаться с Богом и не быть при этом истребленными Божественным пламенем, только святым открывается вход в Царствие Небесное. Именно во время Евхаристии отверзаются Небесные Врата.

Церковь отвечает от лица всех верующих: *«Свят Един Господь Иисус Христос во славу Бога Отца»* . Эти слова исполнены покаяния и сокрушения сердечного. *«Никтоже достоин...»* , – читает священник, когда в храме звучит Херувимская песнь.

Мы не можем позволить себе не стремиться к святости. Литургия не оставляет нам другой возможности. Каждому из нас напоминает, кто мы, к чему нас Господь призывает, какими мы должны быть. Каждому вновь дается то высокое задание, которое он получил в святом крещении. Мы не должны бояться того, что нам предназначено быть святыми. Мы должны всем сердцем этого возжелать и относить слова: *«Святая святым»* к себе самим.

Причащение священников и мирян

Дьякон входит в алтарь и обращается к священнику, уже поставившему Агнец на Дискос: *«Раздоби, владыко, Святый Хлеб»* . Священник снова берет Агнец и разламывает Его крестообразно на четыре части со словами: *«Раздробляется и разделяется Агнец Божий, раздробляемый и неразделяемый, всегда ядомый и никогдаже иждиваемый, но причащающийся освящай...»*

Как вы помните, на печати Агнца начертано имя Христово и слово «НИКА», означающее «победа». На верхнюю часть Дискоса кладется частичка с надписью «Иисус», на нижнюю – с надписью «Христос».

Верхняя часть Агнца называется Залогом. Во время Таинства хиротонии рукоположенного иерея подводят к Святому Престолу. Епископ отделяет Залог и вкладывает его в руки священника со словами: *«Прими Залог сей, за него же дашь ответ на Страшном Суде»* . Батюшка держит его над Престолом в течение остальной части службы как залог священства, залог самого главного, что священник в своей жизни совершает: служения Литургии и приобщения народа Божия ко Христу. За это ему предстоит держать ответ в день Страшного суда.

Когда Агнец раздроблен и уложен на Дискос, священник опускает Залог в Чашу и произносит: *«Исполнение Духа Святаго. Аминь»* . После этого дьякон приносит теплоту, возглаголю: *«Благослови, Владыко, теплоту»* , – и выливает ее в Чашу со словами: *«Теплота веры исполнь Духа Святаго. Аминь»* .

Это – обязательное условие причащения Святых Христовых Таин. Теплота имеет значение, во-первых, традиционное, потому что в древности никогда не пили неразбавленное вино. Считалось, что такое вино пьют только варвары. Кроме того, неразбавленное вино может вызвать кашель, особенно если оно холодное. И, наконец, это – символ теплоты веры человеческой.

* * *

Священник и дьякон творят поклоны перед Престолом. Они просят прощения друг у друга и у всех присутствующих в храме и с благоговением причащаются сначала Тела, а

потом и Крови Спасителя.

Обычно во время причащения клириков поются духовные песнопения и читаются молитвы перед святым причащением. Прихожане должны благоговейно, с сокрушенным сердцем слушать эти молитвы, готовя себя к принятию Святых Христовых Таин.

* * *

После этого следует раздробление части Агнца с печатью «НИКА», предназначенной для причащения мирян. Это действие сопровождается словами: *«Воскресение Христово видевшие...»* Священник берет в руки копие и бережно раздробляет Агнец на специальной тарелке. Частицы аккуратно засыпаются в Чашу, а сама она покрывается покровцом. Открывается завеса Царских Врат и дьякон выносит Чашу.

Дискос с частичками Проскомидии остается на Престоле. На нем остаются частички, вынимавшиеся из просфор в честь Богородицы, Иоанна Предтечи, апостолов и святителей.

«Со страхом Божиим и верою приступите...» Обычно сначала причащают младенцев, причем только Кровью Господней. Верующие благоговейно принимают Святые Дары, целуя край Чаши. Целование Чаши символизирует прикосновение к воскресшему Спасителю, осознание Его и удостоверение в истинности Воскресения Христова. Согласно толкованию некоторых литургиков, край Чаши символизирует ребро Христово.

Следует вспомнить евангельский текст: *«Фома же, один из Двенадцати, называемый Близнец, не был <...>, когда приходил Иисус. Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю. После восьми дней опять были в доме ученики Его, и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: мир вам! Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой! Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие»* (Ин. 20: 24–29). Целуя край Чаши мы, как апостол Фома, удостоверяем, что Христос воскрес во плоти. Священник, причащая каждого, говорит: *«Се прикоснусь устам твоим и отыми беззакония твоя и грехи Твоя очисти»*, вспоминая слова пророка: *«Изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако; обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя»* (Ис. 44: 22).

* * *

Когда Спаситель прикасается к нам, происходит самое главное – мы входим в Царствие Небесное. Но ведь человек скверен, нечист, мерзок в глубине души. Очень нехорош бывает человек, но именно таким его принимает Христос.

Но как Господь может нас коснуться? Только Своим Распятием. Он может лишь позвать нас за Собой. И ничего по-человечески приятного и радостного в этом нет, потому что, когда Господь касается тебя в Своем страдании, это доставляет боль. В этот момент Господь дает тебе почувствовать Себя, увидеть Себя и быть вместе с Ним в этом страдании. А это очень и очень непросто, хотя именно ради этого мы в храм и пришли, ради этого мы и собрались причаститься. Но у кого достанет сил полностью отвергнуться себя, всю свою жизнь перечеркнуть и пойти за Господом до конца, как Он велит? Кто может сказать, что готов от всего отречься ради Христа и Евангелия? По-настоящему ли мы готовы на это? На такие вопросы ответов нет. По человеческим силам свершить это, наверное, невозможно.

Человеческое существо восстает и протестует: ну, как можно обо всем забыть? Как можно добровольно всего лишиться? Происходит страшная вещь: с одной стороны, мы поклоняемся Кресту Животворящему, мы крестились во Имя Христово, чтобы этот крест взять, нести и сораспинаться Господу, а с другой – мы не в силах этого сделать. Но и по-другому мы поступить тоже не можем, потому что слово уже сказано, клятвы Богу принесены и путь к отступлению отрезан.

Наши души пребывают в страшном раздвоении: Спаситель зовет нас за Собой, а мы всё противимся этому зову и мучаемся, и всё никак не можем ни на что решиться... В таком состоянии мы живем, в таком немощем, совершенно беспомощном состоянии мы приходим

в Церковь, причащаемся Святых Христовых Таин и просим у Бога, чтобы Он исцелил наши души и тела, укрепил нашу волю, помог нам осуществить себя и сделал нас такими, какими хочет нас видеть. Потому что не в наших силах быть настоящими христианами, не в наших силах исполнить Евангелие. Это надо осознать: Евангелие человеку исполнить не дано, христианство – выше человеческих сил. То, что Христос от нас требует, человек сделать не может, поэтому христианство всегда было непонятно этому миру.

Однако Спаситель приходит и отдает нам Себя при причащении Святых Таин и то, что прежде было невозможно для человека, отныне становится возможным. В этот момент происходит страшное и великое: человек приобщается к тому самому Кресту, которого так боялся. Мы причащаемся Крови Господней и, если мы полностью доверились Ему, Он поведет нас за Собой.

Мы должны причащаться с мыслью: «Господи, с Тобой я готов идти даже на Голгофу!» И тогда Он дарует нам эту великую радость – до конца пребывать с Ним.

* * *

По причащении хор поет: «Аллилуйя», а священник заходит в алтарь и ставит Чашу на Престол. Дьякон берет в руки Дискос и погружает в Чашу частички, которые оставались на Дискосе со словами: *«Омый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею Честною, молитвами святых Твоих»*.

Так завершается поминовение живых и мертвых, которые погружаются в смерть и Воскресение Христово. Чаша с погруженными в нее частичками в данном случае символизирует то, что Господь взял на Себя грехи мира, омыл их кровью Своею, искупил Своим распятием, смертью и Воскресением и даровал всем Жизнь Вечную.

Когда возглашается: *«...молитвами святых Твоих»*, – речь идет не только о тех угодниках Божиих, память которых совершается в этот день, хотя, конечно же, мы прибегаем к их благодатной помощи. В данном случае речь идет обо всех христианах, собравшихся в храме. То есть Кровью Христовой и молитвами всей Церкви омываются и прощаются грехи. Именно поэтому литургическая молитва является молитвой вселенской, молитвой всеильной.

После того, как частички погружены в Чашу, она покрывается покровцом. На Дискос кладут покровцы, лжицу и звездицу. Священник поворачивается лицом к народу и, благословляя его, произносит: *«Спаси, Боже, люди твоя и благослови достояние Твое»*. Хор отвечает ему: *«Видехом Свет Истинный, прияхом Духа Небеснаго, обретохом веру истинную, Нераздельней Троице поклоняемся: Та бо нас спасла есть»*.

Во время пения *«Видехом свет истинный...»* священник переносит Чашу на жертвенник, читая про себя молитву: *«Вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя»*, в напоминание о телесном Вознесении Господа нашего Иисуса Христа и о будущем вознесении нас, обóженных, в Царствие Небесное. Этот литургический момент еще раз подчеркивает истинное предназначение человека, высшую цель его земной жизни.

Заметьте, все законы природы действуют «по нисходящей», «по убывающей», сродни закону притяжения. Все на землю падает – дождь, и снег, и град, да и сам этот мир мы называем падшим. А Христос, вознесшийся на небеса, отменяет неумолимость действия законов падшего мира. Он указывает нам: своим приобщением к Богу человек преодолевает земное притяжение.

Зная обо всех наших немощах, о нашей склонности к греху и об отсутствии стремления к духовной жизни, Господь, тем не менее, возносит наше естество, приняв его на Себя. Человеку даруется возможность жить, преодолевая законы падшего мира, устремляясь ввысь. Иного пути у христианина нет.

Священник кадит Святые Дары и, поклонившись им, берет в руки Чашу со словами: *«Благословен Бог наш»*. Обратившись лицом к народу, он произносит: *«Всегда, ныне и присно, и во веки веков»*, – напоминая об обетовании Спасителя пребывать в Церкви до скончания века.

Благодарение

Последняя часть Литургии верных включает в себя благодарение за причащение и благословение на выход из храма.

Хор поет: *«Да исполнятся уста наши хваления Твоего, Господи...»*, а дьякон выходит с последней благодарственной ектеньей, начинающейся со слов: *«Прости примиши...»*. Слово «прости» в данном случае происходит от глагола «протираться», то есть человек должен стоять, благоговейно устремляясь к Богу.

В этот момент иерей складывает антиминс, берет Евангелие и, начертав на Престоле крест, читает: *«Яко Ты еси освящение наше, и Тебе славу воссылаем...»*. Затем он направляется читать заамвонную молитву: *«С миром изыдем во имя Господне... Благословляй благословляция Тя, Господи...»*

Хор поет: *«Буди имя Господне благословенно отныне и до века»* и 33 псалом: *«Благословлю Господа на всякое время...»*

Священник произносит отпуст (от греческого слова ἀπόλυσις – благословение молящихся на выход из храма по окончании богослужения.): *«Воскресый из мертвых Христос, истинный Бог наш...»* и, осенив народ крестом, протягивает его прихожанам для целования. Обычно в это время читаются благодарственные молитвы. Еще раз осенив верующих крестом, священник возвращается в алтарь, закрывает Царские Врата и задергивает завесу.

* * *

Богослужение закончено. Но что такое богослужение? На первый взгляд, ответ очевиден: христиане приходят в храм, чтобы служить Богу. Но если мы хорошенько задумаемся в это слово, то обязательно обратим внимание: вообще-то трудно сказать, кто здесь кому служит. Как и многие слова и выражения, употребляющиеся Церковью, слову «богослужение» присущ двоякий смысл.

На богослужении происходит то, что Иисус совершил на Тайной Вечере. Тогда Он собрал апостолов, взял тазик с водой и принялся с любовью, кротостью и смирением умывать их грязные ноги. Умывать ноги каждому, вплоть до изменника, вплоть до того, кто вскоре Его предаст. Вот образ истинного Богослужения – Бог служит Своим ученикам. Когда мы собираемся в храм, Господь всем нам умывает ноги.

Мы часто говорим детям: надо делать то, надо делать это... – но сами этого не делаем. А Господь на собственном примере показал нам, что и как следует делать. Когда мы только готовимся к Нему прикоснуться, Он уже начинает умывать наши ноги.

Нам порой кажется, что, приходя в Церковь, мы совершаем духовный подвиг. Еще бы: мы терпеливо выстроились в очередь на исповедь, подали поминальные записки... Нам и невдомек, что, оказавшись в Церкви, мы незримо перенеслись в Сионскую горницу, где Господь умыл ноги Своим ученикам, а теперь наступает наш черед.

Мы обращаемся к Богу, взывая о помощи, и Он тут же начинает нам служить, исполняя наши мелочные желания, помогая решить житейские проблемы. Мы приступаем к исповеди, и Он опять служит нам, смывая с нас скверну. Кто кому служит на Божественной Литургии? Это ведь Господь отдает нам Свое Тело и Свою Кровь! Это Он совершает служение по отношению к нам.

То же самое происходит и во всех церковных Таинствах – везде заложен образ омовения наших ног, это и есть настоящее Богослужение. Все, что происходит с нами в Церкви, и есть непрестанное служение Бога человеку. Мир горний служит нам, а Господь его возглавляет. Всех, приходящих в храм, Бог принимает и для нас совершает Богослужение как Первосвященник. Он ждет от нас только одного: чтобы мы стремились стать похожими на Него.

Омыв ноги ученикам, Иисус заповедал им: *«Если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же,*

что Я сделал вам» (Ин. 13: 14–15). Нам наконец следует осознать: наше богослужение совершается тогда, когда мы служим своему ближнему и когда по-настоящему, нелицемерно исполняем заповеди Божии.

А как же еще мы можем послужить Господу? Что Богу может от нас понадобиться? Наши свечи? Деньги? Молитвы? Записочки? Посты? Разумеется, ничего этого Богу не нужно. Ему нужна только наша глубокая, искренняя, сердечная любовь. В проявлении этой любви и состоит наше богослужение. Когда оно делается смыслом нашей жизни, тогда все, что бы мы ни сделали, станет служением Богу, продолжением Божественной Литургии.

Соединение Богослужения и благодарения, когда Господь служит нам, а мы – Ему, и есть Божественная Литургия, общее дело Бога и народа Божьего. В этом соединении Церковь осуществляется как богочеловеческий организм. Тогда Церковь становится действительно вселенским событием, Церковью кафолической¹ и всепобеждающей.

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви
№ ИС 11-116-1715

Научно-популярное издание

Уминский Алексей, протоиерей

Божественная Литургия

Объяснение смысла, значения, содержания

Редактор Сергей Ермолаев

Художественный редактор Анна Носенко

Корректор Елена Птицына

Обложка Анна Носенко, Владимир Лучанинов

Подписано в печать 22.03.2012.

Издательство «Никея»

121471, Москва, ул. Рябиновая, стр. 19

www.nikeabooks.ru

Издательский отдел:

Тел.: (495) 416-80-41; edit@nikeabooks.ru

Отдел продаж:

Тел.: (495) 600-35-10; sales@nikeabooks.ru

Оптовая система закупок «Книгосвод»

Тел.: (495) 600-35-10; www.knigosvod.ru

Розничный интернет-магазин: www.symbbooks.ru

Тел.: (495) 508-75-55; sales@symbbooks.ru

ISBN 978-5-91761-134-1

1 Кафоличность в христианском богословии – одно из существенных свойств Церкви Христовой, понимаемое как ее пространственная, временная и качественная универсальность и вселенскость.